ДЕТИ ВОЙНЫ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕТЯМ ВОЙНЫ

первичной ветеранской организации
облисполкома, администрации
и Правительства Вологодской области

апрель 2010 года

ДЕТИ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В МИРЕ

Великая Отечественная война – символ величайшей трагедии и бессмертия народа все глубже уходит в историю. Каждый год страна чествует ветеранов, вспоминает тех, кто погиб за Родину. Живые им вечно должны!

Редеют ряды ветеранов войны и труда. Жены и вдовы фронтовиков уходят следом…. Горькая память о былой войне перешла их детям.

Дети войны – последнее поколение людей, опаленных войной, её живые свидетели. Тем важнее выслушать их достоверный рассказ о событиях, ставших историей страны.

Дети войны – поколение неоднородное. Часть из них родились за десятилетие до начала войны. Эти дети в свои 10-12 лет стали взрослыми в одночасье: работали в колхозах, на фабриках, заводах, заменяли родителей младшим. Младшие же лишились детства. Чудо, что они вообще выжили: в голоде, холоде, под бомбежками… Сколько детских жизней отняла война, кто считал?

Другое чудо – дети, рожденные во время войны. Как выкормили их голодные матери?

Никто не забыт
Ничто не забыто!

Как выпестовали старшие сестренки и братишки, да древние бабушки, не годные на работу...

Третье чудо: какое замечательное поколение выросло из детей войны! Это они восстанавливали разрушенную страну, поднимали целину, создавали космическую промышленность. Это поколение «шестидесятников».

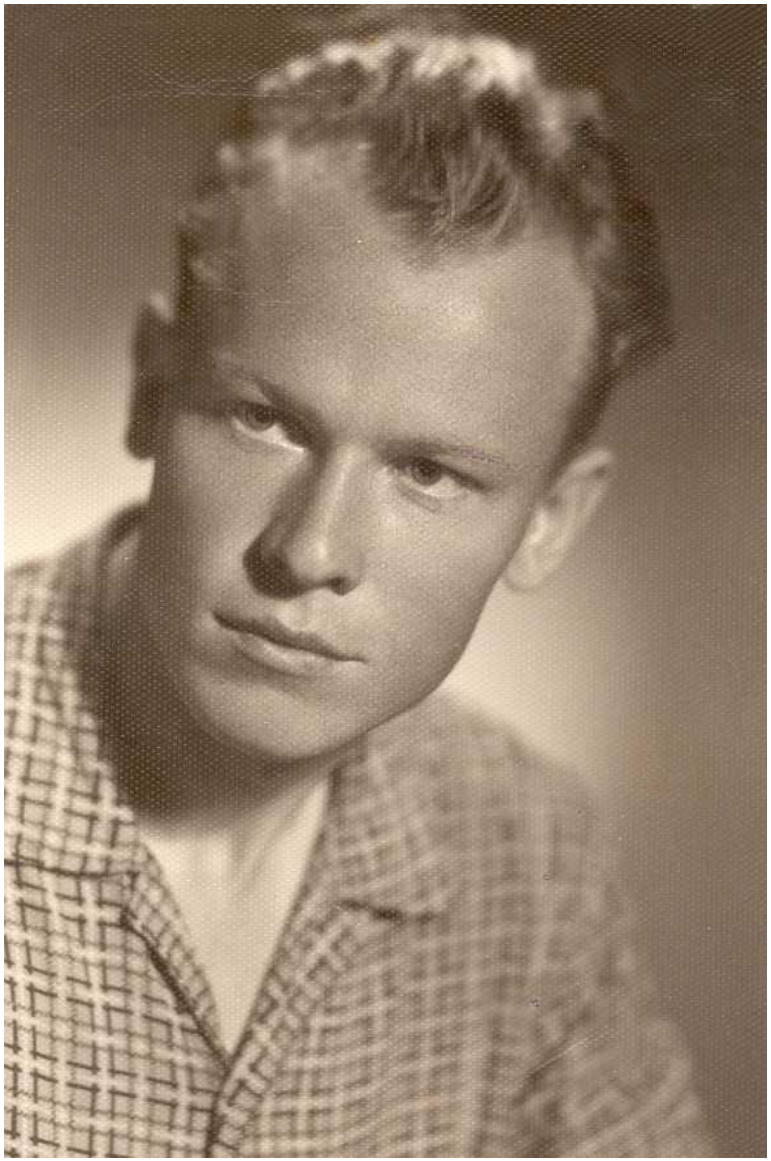
Сколько больших поэтов, писателей, художников, музыкантов среди детей войны! Невероятная тяга к образованию, высокий уровень культуры, самоотверженность – это поколение дало лучших учителей, врачей, инженеров, ученых.

9 мая – особый праздник, день памяти о тех, кто шел навстречу смерти во имя спасения Родины, и кто трудом своим в тылу приближал победу. Среди них были и дети военных лет. Пусть никогда не будет войны. Дети должны жить в мире и радоваться счастливому детству.

ПЕРЕЖИТОЕ

В. Коротаев

А было все не так давно:
В хозяйстве даже нет обмылка,
Опять зашторено окно
И на столе дрожит коптилка,
И юнкерсы не первый год
Крестами черными на небе,
И на растопку вновь идет
Отполированная мебель.
Соседка не встает с утра,
От горя выживет едва ли:
Ей похоронную вчера
Аж третью, кажется, прислали.
Мать, видя, как я вдруг ослаб,
Косому спекулянту Глебу
Пальто отцовское снесла
За черствую буханку хлеба,
Но мы не раз голодным днем,
Свой шаг, вливая в общий топот,
И в стужу шли и под дождем
За город, на рытье окопов.
Киркой орудовали зло
Мальчишки, надрывая жилы.
Тебе вот слушать тяжело,
А мы все это пережили.



БАБУШКИН
Георгий Михайлович

«ВЫЖИЛИ...»

С высоты прожитых лет начинаешь осознавать трагизм военного и послевоенного лихолетий. Отца своего я помню смутно. В семье нас было трое детей. Я был очень неспокойным ребенком, часто просыпался по ночам и плакал. Сохранились отрывочные воспоминания о том, как отец садил меня на велосипед и возил по ночным улицам села. А иногда, будучи дорожным мастером, увозил меня за 3 км на речку Юрмангу, через которую рабочие строили мост. Мне было интересно сидеть у костра и слушать их песни. Как в тумане, помню и то июньское утро 1941 года, когда меня с младшим братом и сестрой разбудили, чтобы попрощаться с отцом. Мы тогда не понимали значения слова «война», но чувствовали, что произошло что-то страшное. Это было видно по заплаканным глазам матери, бабушки, хотя отец казался бодрым и успокаивал мать, что все это ненадолго. Не долгим было это прощание для многих моих односельчан, собравшихся у военкомата. Для большинства семей это было последним прощанием, последним и для нашей семьи. Домой шли молча. Для нас, малолетних детей, в первые месяцы война не дала большого отпечатка. Мы только с нетерпением ждали отца с гостинцами, так как уже привыкли к тому, что, приезжая из командировки, он всегда привозил нам игрушки, конфетки и бублики. Зато мать стала серьезной, задумчивой, порой даже отчаивалась, слушая сообщения информбюро. Как жить и сохранить детей? Этот вопрос все острее вста-

вал перед ней. От отца получили только одно письмо с фронта, из которого в моей памяти сохранились слова: «роем окопы, слышим грохот пушек…».

Мать приняла руководство овощеводческой бригадой колхоза «12 октябрь», а затем ее назначили заведующей молочно-товарной фермой.

В первый год войны семья не почувствовала особой тяжести военных лет. Были старые запасы продуктов, держали корову и другой мелкий скот, народилась картошка, на трудодни в колхозе давали много овощей. По несколько суток подряд мы не видели своей мамы. Того требовало время. Но зато окружала нас заботой и вниманием бабушка Лиза, которая читала нам книжки, рассказывала сказки, пела старинные песни, мастерила игрушки на новогоднюю елку.

В сентябре 1944 года я пошел в первый класс Бабушкинской средней школы. Не у всех детей были новые буквари и другие учебники. Со 2 класса в школе велось военное дело. Нас учили ползать по-пластунски, маскироваться в окопах и рвах, ходить в противогазах, бросать гранату, по схемам изучали винтовку.

Жизнь в селе с каждым месяцем осложнялась. Кончились ученические тетради, приходилось писать между строчками на старых газетах и книгах. Чернила делали из сажи, красной свеклы и других красителей. Не стало учебников. Пять, шесть книг на класс передавали друг другу. Домашние задания выполняли при свете «гасика» (это тоненький фитилек из ваты, вставленный в маленькую бутылочку, куда наливалось 2-3 ложки керосина). Хорошо, если учил уроки один ученик, а если трое... Слепое маленькое отражение света едва отличалось от тьмы. Из-за экономии керосина долгими зимними вечерами нередко жгли лучину. Умудрялись вечерами перед топящейся лежанкой – печкой читать вслух книжки из библиотеки. В холодные зимы школа топилась с воза. В классах было холодно, мерзли чернила, и нас отпускали домой.

Большинство моих сверстников дети, той поры, жили в холоде и в голоде, были босы и голы. На нашу долю выпало постоянное недоедание, недосыпание, недополучили мы и родительской ласки. Да и много чего не было у нас!

Трудности возникали с дровами, заготовлять их на зиму было некому, помню, как зимой мы, малолетние дети, забирали топоры и санки, ехали за реку, чтобы нарубить и наломать сучьев на отопление. Иногда тоненьких дров привозила мама на лошади. Какая радость была для семьи! У дома - лошадиный воз «сырнику»! Сырые дрова только шаяли, печь топилась плохо и долго, и, чтобы не выстудить избу, ее закрывали сразу, очень часто угорали.

Трудно было с одеждой, обувью. Одежонку перешивали из старых вещей. Осенью в школу бабушка обувала меня в лапти, летом бегали босые.

В школе и дома постоянно мучило чувство голода. Особенно трудно было зимой. Семье из 5 человек давали одну хлебную карточку на 500 г (только бабушке, так как она не значилась колхозницей). Помню, мать разрежет паек на тоненькие ломтики и выдает по ломтику на целый день. Бабушка часто украдкой от матери отдавала свою пайку мне (я был ее любимым внуком).

В колхозе на трудодни выдавали жмых (льняной или подсолнечниковый), и мы, чтобы утолить голод, грызли этот жмых, дуранду. В ма-

газине отсутствовала даже соль, и мы с котелками бегали к соляному источнику, набирали рассолу, и бабушка выпаривала соль на протвинях в печке. Вспоминается, как поздней осенью мы с мамой ездили за сеном. На обратном пути при переезде через ручей (лягу) телега опрокинулась набок. Сколько времени мы мучались, чтобы выправить воз сена, да так и не смогли. И тогда я понял свое бессилие и то, как трудно матери без мужской опоры.

Многие годы спустя, мать вспоминала: «Самое страшное – это смотреть на голодных детей: они просят есть, а дать нечего. Это самое горькое испытание и оно никогда не забудется».

Не раз бывали минуты отчаяния. Как-то мама, возвращаясь домой из деревни Тупово, куда ходила менять на муку последние свои вещи, не обменяв ничего и подумала: «Приду домой, истоплю печь, залезем всей семьей на печь и от угара умрем». Многие матери в то время считали, что лучшим освобождением от горя, забот и печали была бы смерть, но здравый смысл побеждал. Ждущий взгляд детских глаз заставлял матерей подниматься рано утром и делать все, чтобы чем-то накормить детей. До весны не хватало даже картошки для еды, и бабушка перебирала гнилой картофель и пекла лепешки. Отчетливо помню случай, когда бабушка накормила нас сухой шелухой от картофеля с молоком. Такая еда быстро возымела действие: отравились все, началась рвота. Чудом удалось нас спасти. На столе всегда стоял толченый чеснок с солью и водой, ели его с картошкой, может потому и выжили.

С нетерпением ждали весны. Не успеет еще растаять снег, а группы ребятишек уже в поле, на первых проталинках замерзшими пальцами выщипывают пестики (головки полевого хвоща). А дальше щавель идет, березовый сок, головки клевера, первые ягоды. Подножный корм был спасением от голода. Как-то весной мы с товарищем разнесли соседке навоз на огород за 2 яичка.

Вспоминается и такой случай, когда мы с соседскими ребятишками в сумерках, гонимые чувством голода, совершали набеги на колхозные гороховые поля, которые охранялись. Однажды нас заметили и, неуспевший перескочить через изгородь мой приятель Серега, по прозвищу Пух, получил заряд соленой картечи, которую потом врачи долго выковыривали. Помню и свой первый заработок. Мы, трое подростков, подрядились заготовлять дрова для Леденьгского сельпо. Работали ночами, так как днем было жарко. К утру успевали сложить поленницу дров примерно в 3 кубометра. Очень уставали.

Каждое лето до школы, в основном в ночную пору, я и мои сверстники пасли коз. Кто-то из хозяев даст с собой кусочек хлеба, кто-то - картофелину, а кто-то расплатится поношенной одежонкой. Вместе с бабушкой заготовляли сено на пожнях. Накосим, загребем, стаскаем в копны, а мама под вечер сметает в стог. Ночью снова косим, причем на проценты. С наступлением ягодной и грибной поры регулярно на целый день мы уходили с бабушкой в лес, так на целую зиму нанашивали ягод и грибов. Лес был нашим кормильцем. Много садили картошки. Как мы радовались в августе первой картошке! Жгли с ребятами костры на берегу речки, варили ее с солью и наедались досыта.

В качестве небольшого отступления скажу немного о колхозных семьях в селе в военные го-

ды. Их было немного. Люди работали в основном в учрежденческих организациях. Сейчас у меня прожита жизнь, но с болью в сердце вспоминаю те случаи, когда меня спрашивали, где работает мать, и надо было отвечать - в колхозе. Это потом о колхозниках, работниках животноводства, о тех, кто кормил и кормит страну, заговорили во весь голос, а до этого … Это были не те люди и не те дети у них. Во времена карточной системы семьям колхозников не давали хлебных карточек, не паспортизировали. Даже фонд всеобуча в школе не распределялся на колхозных детей. У моих друзей матери работали техничками, сторожами, их детям давали в школе ситцевые рубашки, ботинки из свиной кожи. Мы не получали ничего, никогда. Вспоминаю новогодние елки в организациях, где работали родители. Всем подарки, детям колхозников опять ничего. Одним «не обижали» колхозные семьи - налогами и податями. Самой страшной темой для семейных разговоров была тема о своевременной уплате. «Надо, ребята, в первую очередь сдать молоко, мясо, яйца, шерсть, заплатить налоги, а то придут и все опишут», - часто говорила нам мать, вселяя общую озабоченность долга перед государством. А что описывать-то у нас! Нищета, бедность. Отказывали себе во всем, но налоги, подати натурой всегда платили своевременно. Я и теперь не могу себе представить, как «вымогла» мать, как нашла в себе силы, не отчаялась.

В село за эти годы уже успели принести немало похоронок. В нашу семью с фронта больше не было ни одного письма, не было и похоронки. Мы больше никого так и не называли папой, не знали отцовской ласки, не получали отцовского совета, не слышали его резкого слова. Короткий век, знать, отпущен был ему судьбой. Несколько раз по запросу военкомата нам приходили извещения о том, что в списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести Бабушкин Михаил Александрович не значится.

Этот майский день 1945 года помню хорошо. Шел урок чтения, когда в школу пришла весть, что война кончилась, занятия были отменены. Все люди быстро собрались около Дома Советов. Был многолюдный митинг. Почему-то мне запомнилось больше слез, чем радости и ликования. Может потому, что в нашей семье были только слезы. В начале июня 1945 года в дом пришла суровая казенная бумага, где были написаны пугающие и непонятные для меня слова «ваш муж в годы ВОВ пропал без вести». Их зловещий смысл стал понятен для меня, когда выяснилось, что мы так и не можем узнать о месте гибели любимого нами человека, не поклонимся его могилке, не положим цветы, не поплачем. Именно в 1945 году наша семья осознала невосполнимую горечь утраты. Сколько было горестных часов, дней, лет! Сколько за эти годы передумано, перечувствовано - не выразить никакими словами.

65-ый год отмечает страна праздник Победы. Отмечаю его и я. Моя мать – солдатская вдова - без малого 3-х месяцев не дожила до 60-летия Победы. Помню, что она в этот день всегда смахивала непрошеную слезу, потому что в 30 лет потеряла своего любимого, потому что ее дети росли сиротами. Молча она смотрела на фотографию мужа и отца, которая висела в простенке между окнами родительского дома. Какое было бы счастье в семье, если бы наш отец вернулся домой живым, был бы настоящий хозяин в доме, надежда и опора.

ВОРОБЬЕВА
Евгения Сергеевна

МОЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Я родилась в апреле 1940 года в д.Юрьево Вологодского района в крестьянской семье. Мама - рабочая, колхозница, папа – тракторист в колхозе «Правда». Себя помню с 4 лет. Осень, сентябрь. Убирают рожь, возят снопы к молотилке. Мама стоит у машины, подает снопы в молотилку. Приходит домой поздно, усталая. Мы с сестрами встречаем ее. У меня 2 сестры: старшая Ира и младшая Галя. Я – за няньку. Когда сестренка плачет, я не знаю, как ее успокоить, плачу вместе с ней, зову маму. Сосед, дядя Коля, успокаивает обеих. Как папу отправляли на фронт, я не помню. Его мобилизовали в 1943 году. Летом 1944 года у нас заболела корова Геройка. Ее пришлось прирезать. Мы плакали: корова была нашей кормилицей.

Жили у тети Лиды, маминой сестры. Она работала в детском доме «Отрадное», недалеко от нашей деревни, и помогала нам выжить в трудные годы. В колхозе на трудодни денег не давали, а она получала хотя и небольшую заработную плату.

Военных действий в нашем краю не было, но хорошо помню, как в деревню прибыли солдаты, а с ними машина – полевая кухня. Все дере-

венские ребята сбежались к ней, и солдаты угощали всех из котла пшенной кашей. Какая это была вкуснятина! До сих пор помню вкус этой каши.

Жизнь была нелегкая. Мама работала с утра до вечера, а мы трое оставались одни, иногда и без еды.

Когда узнали, что война кончилась, стали ждать папу. В конце 1945 года пришло известие, что папа едет домой. Мама и старшая сестра Ира решили его встретить. Он приехал молодой и красивый в военной форме. Папа привез нам две куклы – Дарью и Колю. Куклы были тряпичные, головы из глины. Мы едва поделили этих кукол, каждой хотелось иметь Дарью. Сначала я боялась папы: когда он снимал меня с печки и прислонялся щекой к моему лицу, его щетина колола мое лицо.

Все думали, что теперь, когда война кончилась, жизнь сразу наладится. Но в 1946 году начался голод. Карточек колхозникам не полагалось. Как мы выжили, трудно сказать.

Весной выкапывали с полей мороженую картошку, чистили ее от шелухи, мяли в кастрюле, добавляли муку из сушеного клевера и пекли лепешки. Собирали на поле колоски, сушили зерна, мололи на ручных жерновах. Из муки заваривали кашу.

Председатель колхоза запретил сбор колосков, но люди все равно ходили и собирали. В деревне стали появляться нищие. Одна женщина пришла просить хлеба или что-нибудь поесть. Она была грязная, худая, едва передвигала ноги, но ей никто ничего не дал – самим нечего было есть, дать было нечего. Дети в деревне, в том числе и мы, болели корью, скарлатиной и другими болезнями.

Каждый год убирали лен. Помню, мне было лет семь, старшей сестре –одиннадцать. Мы вместе с мамой дергали лен, вязали снопы и ставили их в бабки. Когда снопы высыхали, их возили в большой сарай – гуменник, клали на колесники и сушили, затопив печь. Печь топил дядя Митя, а мы с ребятами сидели рядом и пекли на углях картошку. Утром вместе с женщинами околачивали снопы. Все заработанные трудодни записывали на маму. На следующий год на «льняные трудодни» давали льняное масло. Мы намазывали его на кусочек хлеба, солили и с большим удовольствием ели. Вкусно! Съели бы ни один кусок, но на все была норма.

За хорошую работу в колхозе родителям дали телку. Через год у нас было свое молоко, жить стало легче. В то время государством была установлена норма – сдать ежегодно летом 300 литров молока от одной коровы. Ежедневно приезжал сборщик молока, и все, у кого были коровы, несли молоко. Зимой мама продавала молоко, везла его в Вологду на салазках 15 км пешком. Мы с нетерпением ждали ее из города: она привозила конфеты-подушечки и давала каждой по две штуки. Иногда привозила сахар большими кусками.

В 1948 году родители купили дом, хотя и старенький, но все же свой. Правда, пришлось продать все, что было можно.

Летом мы любили купаться в реке Тошне, которая была рядом с деревней, но особенно любили ходить в лес за малиной. Наберем, бывало, ягод по две корзины на коромысло и несем в город на базар пешком, босиком всю дорогу – 15 км, и только у города обувались. Продадим ягоды, купим булку французскую или городскую, да мороженое и в сквер на скамеечку. Всегда покупала домой пачку сахара за 52 копейки. Обратно домой ехали на грузотакси – крытая машина, в кузове скамейки. На деньги, вырученные от продажи ягод, покупали школьную форму и учебники.

Мне с моими сестрами приходилось мыть полы, полоть грядки, поливать огород. Таскали тяжелые ведра с пруда. Все это были наши обязанности. По окончании 7-ми классов Оштинской семилетней школы продолжила учебу в Погореловской средней школе, в 6-ти км от дома. Жила в интернате всю неделю, там и питалась. Зимой добиралась на лыжах, в остальное время - пешком, по проселочной дороге.

В старшем возрасте (15 лет) летом приходилось работать нянькой: водилась с восьмимесячным мальчиком. Надо было зарабатывать деньги. Вот такие трудные были времена для подростков – детей войны.

Мои сестры, Ира и Галя, рано ушли из жизни. Галя в 7-ом классе на пришкольном участке копала грядки, напилась холодной воды из колодца и заболела. В результате – крупозное воспаление легких, спасти ее не удалось. Иру болезнь настигла в 28 лет. Я осталась у родителей одна. После окончания школы работала, затем вышла замуж. Муж Павлик во всем мне помогал. Благодаря ему сумела окончить Ленинградский финансово-кредитный техникум и в 1980 году – финансовый экономический институт им.Н.А.Вознесенского.

Всю жизнь проработала финансовым работником: бухгалтером, зам. начальника бухгалтерского отдела, главным бухгалтером. Работала до 60 лет.

Родители умерли, в возрасте 35-ти лет погиб сын – очень тяжело перенесла. Радует то, что есть дочь и два прекрасных внука. В деревне остался старый родительский дом и большой участок земли, где в настоящее время проживаем с апреля по ноябрь.

Несмотря на все невзгоды, трудимся, продолжаем радоваться жизни.

Семья в годы войны.
Вторая слева Женя

С праздником Победы!
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ВОСТРЕНКОВА
Зинаида Алексеевна

МОЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Я родилась в феврале 1934 года в деревне Едново Великоустюгского района Вологодской области в семье крестьянина. У меня – три сестры. Я была младшим четвертым ребенком. Папа и мама трудились в колхозе. Начальное образование, четыре класса, получила в Едновской школе, семилетнее - в Погореловской школе, которая находилась за восемь километров от дома. Мы, три подруги, три Зины жили на частной квартире у тети Шуры, у которой было четверо своих детей. Спали все на полатях, а утром тетя топила русскую печку. Мы с девчонками с нетерпением ждали, когда сварится картошка, чтобы покушать и бежать в школу на уроки. Из дома приносили молоко и травяные лепешки. Зимы стояли очень холодные, на коленки наматывали тряпки, чтобы не поморозить их. Одежда была не по возрасту и в заплатках. Учились прилежно.

После войны окончила сельскохозяйственный техникум и пединститут. Мой трудовой стаж - 52 года. Мне уже исполнилось 73 года, но воспоминания о детстве очень ясные, особенно о годах Великой Отечественной войны.

О начале войны узнали от почтальона, когда он принес отцу повестку, в которой извещалось о явке в военкомат через 24 часа. При себе надо было иметь вещевой мешок, кружку, ложку, полотенце, мыло и продуктов питания на сутки. Общий сбор мужчин в 8 часов утра у здания сельского совета.

Утром собрались женщины с детьми, чтобы проститься с мужьями, братьями, сыновьями. Плакали жены и родные, не знали, надолго ли прощаются со своими любимыми. До пристани провожали на повозках. Дядя Вася играл веселую плясовую, пели песни и частушки. Мы стояли на угоре и махали платочками вслед и надеялись на скорое возвращение родных домой. Мне было 6 лет, и я еще не понимала смысла войны и не могла представить, что на войне убивают людей. В деревне не осталось ни мужчин, ни молодых парней. Все хозяйские заботы легли на плечи матерей, сестер и подростков. Вечерами женщины собирались у нас в доме. Долго-долго разговаривали, как дальше жить, грустили и плакали. А доля выпала им нелегкая. Лошадей с колхозной конюшни забрали для фронта. Женщины косили траву на сено косами. Возить сено и пахать поля обучали быков и коров. Мама управляла плугом, а женщины таскали плуг за веревку и пахали поле. Зерно сеяли на поле тоже вручную из лукошка или ведра, которое привязывали ремнями к шее, таскали бороны. Детей брали в поле собирать пестики (побеги полевого хвоща) и искать «кротовьи орехи».

Однажды мы взяли в поле нашу кормилицу – козу. Женщины были на другом конце поля, а мы заняты своим делом. Из кустов выскочил волк и закусил нашу козу. Мы испугались и стали звать женщин на помощь, но было поздно, коза умерла. Сколько было слез, жалко было козу. Я очень хорошо помню эту беду. Волков было много. Мама рано утром провожала нас с сестрой Ниной в школу с фонарем или зажигала мазутный факел. Мы слышали, как волки выли рядом с дорогой, которая проходила лесом.

Осенью, когда поспевал урожай, ячмень жали серпами, пшеницу косили косой и вязали снопы, а мы помогали ставить снопы в суслоны. Молотилку на гумне женщины крутили руками или запрягали быков, они были упрямы и бессильны, часто останавливались и ложились.

Трудились старые и малые. Все зерно сдавали государству. Давались большие планы заготовки сельхозпродукции колхозам и личным хозяйствам. Нашей семье нужно было сдать 350 кг молока и 200 штук яиц, шерсть. Работа в колхозе учитывалась трудоднями. День-трудодень, а денег не давали. Старшие сестры Галя и Валя возили на лодке по Северной Двине молоко, чтобы продать в городе Красавино, и купить кусок хлеба. В Красавино жили пленные немцы-женщины, они работали на ткацкой фабрике, им давали за работу деньги, а они покупали наше молоко, ягоды, грибы.

Старшая сестра Галя закончила 10 классов в Красавинской средней школе и работала секретарем Едновского сельского совета. Сестра Валентина после 7 классов училась в ФЗО на токаря и была направлена на Урал, в город Чусовой, работать на военном заводе токарем, изготовлять снаряды для фронта. Молодежь призывали работать на военных заводах, и 15-16-летние деревенские девчата поехали туда под девизом: «Все для фронта, все для победы». Жили в холодных бараках, не знали ни сна, ни отдыха. Кормили плохо, девчата падали в обморок от голода и бессилия у станков. Сестра выжила чудом, она перевыполняла норму изделий

(снарядов). Ей давали дополнительную пайку хлеба, а она делилась с подругами. Заболела тяжело, и ее такую тощую, больную отпустили домой. Дома мы отпаивали ее молоком, как ребенка с ложечки.

Я хорошо помню учебу в начальной школе с 1 по 4 класс. Ранней весной ходили босиком, на ногах были «цыпки», мама мазала их молоком, они очень ссадили и болели. В школе нам выдавали ботинки на деревянной подошве, сверху парусина шнуровалась веревочкой. В перемену все бегали, играли и стучали своими деревянными подошвами. В большую перемену нас кормили грибным супом с ячневой крупой. На уроках письма писали на газетах между строк или на серой оберточной бумаге. Для первоклашек шили из бумаги тетради и после уроков линовали страницы карандашом.

Весной, рано утром до уроков, мы с ребятами по насту убегали в лес и играли в войну. Иногда не слышали даже звонка. Домашнее задание делали с коптилкой, которая еле светилась. Спичек и керосина не было. Огонь добывали от искры кремня с фитильком. В избе было холодно, экономили дрова. Заготовляли их по насту, возили на санках.

Ужинали на печке. Мама зажигала коптилку, опрокидывала таз кверху дном вместо стола, настилала скатерть, наливала молоко в блюдо, и мы хлебали его ложками без хлеба или с лепешками из травы. Хлеб давали по карточкам по 125 граммов на ребенка и 250 граммов на маму, как работающую. Очередь за хлебом мы занимали с обеда. Хлеб привозили вечером после работы. Пайку 500 граммов делили на весь день на троих. Мама нас утешала и приговаривала: «Мы-то с вами дома на печке, попили молочка, а папа думает о нас в холодной землянке. У нас-то хоть не стреляют. Будем ждать папу домой. Спаси его, Господи, сохрани». И мы засыпали на печке, прижимаясь друг к другу. А утром у каждого свои поручения: согнать корову на пастбище, сходить на межники и нарвать корзинку головок красного клевера, насобирать пестушек (это головки полевого хвоща). Их нужно было высушить на противнях в печке, а вечером истолочь в ступе, чтобы получилась травяная мука, которую смешивали с вареной картошкой и пекли лепешки. Собирали грибы и ягоды в лесу. Варили на костре грибовницу и свежую картошку. На заливных лугах рвали киселку и борщевик, в ручейках ловили мелкую рыбку решетом, варили уху. Весной срезали с молодых сосен сосновый камбий из-под коры, а сосенки на плече носили домой на дрова. На гороховое поле ходили украдкой, так как поле караулил сторож и не разрешал рвать горох. Если удавалось обмануть и отвлечь сторожа, быстро щипали горох в карман и убегали в кусты или в сарай, делили между собой добычу.

Когда сильно хотелось кушать, я залезала в подполье и находила случайно закатившийся под доски проросший картофель, тянула за длинные белые ростки, терла на терке и ела. Однажды нашла на полке старую забытую фасоль в мешочке, съела и отравилась, мама отпоила меня каким-то травяным настоем. Чай пили с сушеной морковкой вместо сахара.

В летние каникулы всех слабых детей на месяц собирали в интернат при сельском медпункте, лучше кормили, давали кусочек хлеба, намазанный

маргарином, и овсяную кашу. Мы поправлялись, были веселые и озорные. Домой хотелось к маме.

В 1943 году пришел раненый папин брат дядя Саша. Жить стало веселей. Зимой женщины и соседи собирались в доме у дяди Саши. Горела вместо лампы лучина, угольки падали в корытце с водой и шипели, а мы с Ниной засыпали на коленях у мамы, полусонные уходили домой.

Чтобы выжить, продавали все, и покупали хлеб. Женщины собирались по 4 или 5 человек, брали в колхозе лошадь, сено на дорогу на 4-5 суток и ехали в Тотьму за хлебом. Увозили отрезы материи, костюмы, сапоги, туфли - все меняли на хлеб. Также привозили гороховую муку или сухари, и мы с нетерпением каждый вечер ходили на угор встречать подводы. Почему-то в Тотьме люди жили сытнее. Были хорошие урожаи зерновых.

Как бы не было трудно, но все жили с надеждой на скорую победу. Работали и знали: все для фронта, для победы.

Ученики осенью, после школьных занятий, вместе с учительницей ходили по полям собирать колоски, потом их сдавали в колхозный склад кладовщику. Зимой собирали по домам золу для удобрения полей. Весной пололи зерновые всходы от сорняков. Пасли скот: коров, телят и овец. Летом заготовляли лекарственные травы: березовые почки по стакану каждому, корни валерьяны, сушили крапиву, и все сдавали в медпункт.

Новости первым приносил почтальон. Получали письма-треугольники с адресом «Полевая почта», приносили и похоронки. Читали газету «Известия», радовались успехам, когда наши освобождали города, а женщины вытирали слезы и желали скорейшей победы. Вечерами женщины вязали носки для солдат из ровницы (нитки из льняного волокна). Норма на месяц - связать 25 пар носков. Мы помогали распутывать мотки ровницы и сматывали в клубок. Шили кисеты, вкладывали в кисеты письма, открытки, фотографии, песни, пожелания и поздравления.

В семье был патефон и много пластинок. Часто заводили и слушали песни, частушки. Я сохранила патефон и пластинки как реликвию, и сейчас, 9 Мая мы с супругом слушаем фронтовые песни. Делюсь своими воспоминаниями с детьми и внуками. Весть о Победе первым принес почтальон, зашел в школу и сообщил учительнице. Она выстроила нас в школьном коридоре и сообщила радостную весть. Мы прыгали, обнимались и скорее бежали домой, сообщить о Победе своим родным. Папа вернулся в конце мая. Он служил на Ленинградском фронте в городе Тихвине. Здоровье было подорвано, часто болел, но мы старались его поддерживать, чем могли. Умер он от воспаления легких.

Много можно вспомнить о тех трудных днях и годах. Пусть никогда не повторится страшное слово «ВОЙНА», и никому не придется испытать то, что пережали мы, дети войны.

День Победы - это символ мужества, бессмертного подвига воинов и тружеников тыла. Склоняю голову перед всеми, кто ушел из жизни, защищая родину. Желаю ветеранам крепкого здоровья и долгих лет жизни.

ДУНАЕВА
Маргарита Ивановна

«Я НЕ ПОМНЮ ОТЦА»

Родилась 24 декабря 1939 года в деревне Подволочье Кич-Городецкого района Вологодской области в крестьянской семье. И в этой же деревне родились и жили мои родители Иван и Мария.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 1,5 года. Я не помню своего отца, как он ушел на фронт, помню лишь рассказы мамы. Отец ушел на фронт в числе первых призывников. В семье осталось трое детей. Старшему брату Михаилу не было 6 лет, сестре Антонине исполнилось 4 года и мне – 1,5 года. Отец воевал в Новгородской области под г.Старая Русса, там и погиб в июле 1943 года. Хорошо помню, как мы с сестрой каждый раз встречали почтальона и все спрашивали, нет ли нам письма от папы. А почтальон отвечала: «Девочки, милые, ждите, скоро принесу вам письмо от папы, оно в дороге». А мы этого долгожданного письма так и не дождались.

Наша деревня расположена у дороги по направлению В-Устюг - Кич-Городок. Помню, как последние призывы солдат шли на фронт пешком через нашу деревню до Великого Устюга и дальше до г.Котласа. Солдаты часто останавливались на ночлег, так как дальше за деревней идет длинный волок без деревень. Мы угощали солдат чем могли, поили чаем, укладывали спать. Рано утром, с восходом солнца, солдаты шли дальше, а мы им вслед кричали: «Папе передавайте привет». Перед войной отец решил построить новый дом на месте старого родительского. Старый дом разобрали, но успели сделать только фундамент и поставить сруб нового дома, как началась война. Папу сразу же взяли на фронт, а мама с тремя детьми и престарелой бабушкой осталась жить у соседей на квартире, и все же мама смогла поставить дом под крышу, чтобы он не сгнил. В остальном строительство было приостановлено, так как мужчин в

деревне не осталось, а маме одной работа была не по силам.

У родителей отца была большая семья, семеро детей. У них была большая баня, которую переделали под жилье. Сложили русскую печь, и всю войну мы прожили в этой бане.

Люди жили и работали под девизом: «Все для фронта, все для победы». Помню, как мы, дети войны, вместе с родителями чистили и сушили картофель, морковь, лук, свеклу и сдавали для фронта. Часто собирали на полях колоски зерновых культур. Жили плохо, но не голодали: были запасы хлеба, на огородах выращивали овощи, держали скот. Во время войны выменивали на хлеб одежду и разную хозяйственную утварь. Женщины из Великого Устюга, а это за 100 км, везли к нам разные товары и обменивали их на хлеб. Иногда мы что-то покупали и без надобности, лишь бы поддержать в городе детей и стариков. Взрослые дети работали на полях колхоза, это был тяжелый физический труд. Почти всех лошадей забирали на фронт, работать приходилось на быках и коровах. Мы рано познали тяжелый труд, помогали родителям чем могли: пасли коров, овец, на огороде пололи грядки, поливали, дома занимались уборкой. И труд наш общий не пропал даром. Наступила долгожданная победа. Хорошо помню, как люди радовались окончанию войны. Мы стали ждать возвращения отца с войны и тех, кому повезло остаться в живых. Конечно, было много радости, а слез - и того больше.

Родители мамы тоже жили в этой деревне. У мамы погибли на войне два брата Иван и Федор, младшая сестра в это время училась в Архангельском мединституте. После войны мы перебрались жить в большой дом маминых родителей. В нем и прожили всю оставшуюся жизнь.

После войны в деревне разразился большой голод, ели все, что можно: клевер, листья липы, полевой хвощ, кислицу и т.д. Хорошо, что у нас была корова, хотя она давала молока мало, но что-то перепадало и детям. Непосильные заготовки, займы, налоги душили селян. Надо было сдавать государству молоко, яйца, шерсть. Вот в это голодное послевоенное время нам помог выжить наш недостроенный дом. Отец заготовил полностью строительный материал на весь дом: пол, потолок, косяки, окна, двери, тес на крышу и т.д. Все продали в Кичм.Городок райсоюзу в обмен на зерно.

Мамины родители получали пенсию за потерю на войне 2-ух сыновей, а мы за папу, и все это шло на нас троих детей, чтобы одеть, прокормить и выучить.

Брат закончил семь классов и уехал учиться в техникум в Великий Устюг. Мы с сестрой закончили по 10 классов в Кичм.Городке. Все лета работали в колхозах на разных работах. Мама ушла из жизни в 1994 году, последние годы жила у сестры в Новгородской области.

Дом родителей мамы уже несколько раз перестроен и до сих пор стоит в д.Подволочье, никто в нем не живет.

В заключении хочу сказать, что основой жизни является труд, только труд помог нам выжить в это тяжелое военное и послевоенное время. Взрослые и дети работали от темна до темна.

ДЬЯЧКОВ
Евгений Яковлевич

ЯКОВЛЕВИЧ
(привет из прошлого)

Яковлевич проснулся от крика петуха, потянулся, открыл глаза. Окна сияли отблесками утренней зари, и петух все не унимался. Понял, что тот поет не у них на дачах, а в Дубраве, соседней деревушке. Снова закрыл глаза и задумался.

Нахлынули воспоминания давно минувших лет.

Вот так же рано, с петухами, от их голосистого крика просыпались в далеком детстве, когда ночевали в сараях. Отопление их восьмиквартирного дома было печное, и жильцам каждой квартиры полагался сарай для хранения дров, которые стояли во дворе дома, «спиной к спине» сараям соседней восьмиквартирки. К сараям делались пристройки, в которых содержались поросята, козы, или курицы и кролики. У милиционера из соседнего дома была даже корова. Нарик, мальчишка из этой семьи, Женькин ровесник, выделялся среди сверстников своим более чем здоровым видом. Это, прежде всего, отражалось на его лице. У них и на продажу соседям молока хватало.

Интересная деталь, внимание на которую он, Женька, обратил значительно позже, а тогда значения не придавал. В каждом доме в поселке управления одна из восьми квартир была заселена семьей работника милиции либо сотрудника НКВД. В доме, где жил Женька, «энкэвэдэшники» занимали вторую квартиру. Сначала в ней жили Беловы. С Рудиком Беловым Женька учился в одном классе.

Через несколько лет после окончания войны отца его перевели на станцию Емца, и семья уехала. Освободившуюся квартиру заняла семья полковника. В отличие от Беловых новые жильцы были такие высокомерные, ни с кем из жильцов дома не общались. Даже Люська, их дочь - старшеклассница, красивая, но очень уж крупная для своего возраста девица. Ею восхищались, но не приближались, от греха подальше. Разумеется, такая семья курами и поросятами не занималась, даже печи им топила домработница. «Увезли полковника ночью под конвоем», - шепотом передавали новость соседи. Это случилось после смерти Сталина. Вскоре и семья, уже не такая гордая, исчезла из дома как-то незаметно. Никто не злорадствовал. Соседи почему-то их даже жалели. А квартира «энкэвэдэшная» еще долго пустовала.

Снова пропел петух. «И что там о петухах?» - стал вспоминать Яковлевич. Петухи бродили по дворам со своими курами, так же как и они раскрашенными в основном синькой в определенных хозяевами местах. Так хозяева отличали своих кур от чужих. Ну, а по утрам петухи работали «будильниками».

Переселение на лето в сарай - это событие. Его ждали, к нему готовились. Ждали не только ребятня, но и родители, так как в коммуналках было тесно. Женька, например, с братом и родителями вчетвером жили в комнатке с печкой площадью менее 20 квадратных метров. Теснота. Три десятка ребятишек во всем доме. Так что определенная свобода нужна была всем. Происходило переселение обычно с первым теплом в начале лета. Полати над дровами сооружал отец, Яков Матвеевич, а он, Женька, со старшим братом Юрием отцу помогали как могли: подавали доски, инструмент, гвозди. Иногда отец доверял постучать молотком, забивать гвозди, отпилить ножовкой по мерке кусок доски. В связи с этим вспомнился такой воспитательный момент. Отец, журналист по профессии, во время летнего отпуска договаривался в НГЧ (дистанция зданий и сооружений Северной железной дороги) и брал подряд на строительство придомовых сараев на улице Завокзальной (ныне Можайского). У Женьки были каникулы, и он помогал отцу уже вполне по-взрослому. Тогда он и узнал что такое долото, стамеска, уровень и отвес, научился работать скобелем и топором, запиливать шипы и ставить стропила. Наверно именно с тех пор вселился в Женьку дух строительства, сопровождающий его на протяжении всей жизни.

«Да, именно строительный, – мысленно подтвердил Яковлевич. – Все же около 20 лет профессионально на стройках работал, семнадцать из них - сварщиком. Начинал на Запсибе в Сталинске Кемеровской области, на ударной комсомольской бетонщиком, монтажником. Впрочем это отдельная тема. По возвращении в Вологду начинал со сварки труб на теплотрассе к строящемуся «Спектру» (тогда они еще не знали, что он будет так назван). Затем были водозабор, «ЛЭП 35-110», Вологодская птицефабрика в поселке Грибково, реконструкция заводов «Ремсельмаш» и канифольного, стадиона «Динамо», с первой колонны строил швейную и трикотажные фабрики с бригадой Ивана Николаева, С ним вместе и ордена у Анатолия Семеновича Дрыгина получали». А сколько жилья при его участии построено, не один десяток многоэтажек, и во

всех районах города. И еще много строил на селе в Вологодском районе, когда работал в ПМК-3 «межколхозстроя».

Сарай был стандартный, такой же, как у всех, но на одних. Желание ночевать в их сарае изъявляли и другие мальчишки с Женькиного двора. Туда перетаскивались постели и другое нехитрое мальчишеское имущество. И сарай превращался в штаб или в «капитанский мостик». Здесь разрабатывались и готовились различные операции: поездка на рыбалку ко второму домику на Вологде или в район Лиминских, встреча по футболу «двор на двор» или очередная схватка с «желтопузиками». Так городские называли приехавших с окрестных деревень мальчишек, одетых в фуфайки желтого цвета, учащихся школы ФЗО, готовившей рабочих-специалистов для мебельной фабрики, расположенной тут же, по соседству.

В сарае не курили, но курево прятали. Вообще у Женьки было с этим делом строго. Отец его курил папиросы, набивая табаком папиросные гильзы, и Женьке удавалось иногда поживиться табачком и угостить друзей. У Лехи со Славкой отец погиб на фронте, а у Игоря отец, дядя Володя, не курил. Сам Женька однажды получив хорошую взбучку от матери за то, что от него пахло табаком, и курением не увлекался, разве что иногда «не в затяжку» несколько раз курнет. Позднее, когда учился в восьмом классе и занимался борьбой и также баловался курением, врач физкультурного диспансера Гуревич сказал Женьке: «Выбирай: или спорт или курение». И баловство табачком прекратилось.

«До сих пор не курю!» - улыбнулся Яковлевич. «Хотя баловался иногда за компанию с друзьями, приняв с ними определенную дозу «на грудь», - смущенно уточнил сам себе. Повторно бросил «баловаться», когда понял, от чего по утрам болит голова. К тому времени уже работал в суде и спортом не занимался.

Яковлевич снова потянулся, оставаясь лежать, сделал по полста круговых движений ступнями правой и левой ноги, столько же кистями рук. Затем встал и подошел к зеркалу, улыбнулся себе, оставшись довольным, состроил несколько рожиц и босиком выскочил на улицу. Взяв стоявшее у крылечка пустое ведро, направился к речке, намеренно удлиняя путь, чтобы как можно дольше побродить по обжигающей ноги росе.

Речку Шолду назвать речкой можно было только во время весеннего разлива. Фактически же это был ручей. Были годы, когда он пересыхал, в то время как в некоторых местах течение продолжалось. Тогда Яковлевич «почистил» русло от камней, перетаскивая их по одному или несколько штук на волокуше из старого корыта для дизайна своего дачного участка.

Вот река Вологда - это другое дело. Что она не ручей, так это точно. Хотя очень уж сильно мелеет каждое лето. За свои семьдесят Яковлевич много рек перевидал. На Днепре он оказался, когда учился в Киеве на Межреспубликанских курсах инструкторов по внедрению в народное хозяйство передовых методов сварки и наплавки металлов. На Волге был в круизе на теплоходе «Василий Чапаев». Побывал тогда во всех крупных волжских городах от Ярославля до Волгограда. На Томи строил дробильно-сортировочную фабрику для Запсиба. Три года воинской службы в Архангельской губер-

нии привели на берега Северной Двины. Правда, с реками Двиной и Сухоной познакомился еще раньше, когда навещал свою малую родину- город Великий Устюг. Помнит, как с мамой добирались от Котласа на пароходе до Устюга, а иногда на пароходе прямо из Вологды. Да, было такое время, когда пароходы из Вологды в Великий Устюг ходили. Многие, наверное, помнят «операцию Юг». Самоходки шли еще дальше, по большой воде.

По Сухоне же он «ходил» с братом на пароходе «Петраш» во время летних каникул. Юрий работал тогда на пароходе кочегаром. «Петраш» тянул вверх по реке так называемые «ерши» - скрепленные особым образом плоты. Пароход с «ершами» шел очень медленно, и он вместе со свободными от вахты матросами высаживался на берег побродить по лесу. Шлепанье по воде деревянных колесных плиц разносилось далеко по округе, и заблудиться было невозможно. Возвращались обычно с полными корзинками. Оно и понятно: места-то глухие, нехоженые. На свист вахтенный высылал шлюпку, и «десант» доставлялся на пароход. Грибы отваривали на грибницу или жарили на сливочном масле, речников всегда неплохо снабжали.

«Вкусно!» - Яковлевичу сразу захотелось есть. Вылил на себя несколько ведер воды из ручья и, зачерпнув еще полное ведро, быстрыми шагами направился к даче.

Чайник на газу вскипел быстро. На глаза попалась упаковка с таблетками от давления. Врач прописал утром и вечером принимать по таблетке. Ладно, сегодня сделаем перерыв, а для профилактики чаек с травами, и давление в норме Яковлевич отодвинул в сторону упаковку, ополоснул чайник кипятком, положил в него приготовленный по своему рецепту сбор трав и, залив на две трети кипятком, плотно закрыл чайник крышкой. Стал дожидаться, когда чай заварится. Снова пришли воспоминания.

Да, с рекой связано многое. Даже название улицы, на которой стоял наш дом. Так прямо и называлась «улица Речников» (ныне Левичева). Начиналась она, естественно, от реки. Другим концом упиралась в железную дорогу. Всего четыре квартала, два от дома до реки. Она приносила не только радость босоногому детству, но и определенные заботы, прежде всего, конечно, родителям.

Река была кормилицей, так как рыбка в Вологде в то время водилась и довольно крупная, а приличный улов позволял разнообразить стол и не только кошкам. Те и сами могли порыбачить. У Игоря Васильева, например, кошка часами высиживала на плоту, чтобы, уловив момент, подцепить коготком неосмотрительного окуня или плотвичку. Интересная представилась картина: идет ватага пацанов, а чуть поодаль за ними на реку осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам, короткими перебежками, крадется кошка. Крадется, так как ее с собой никто не звал, а, напротив прогоняли домой. А еще кошки, если на речку не ходили, то обязательно встречали ребят, возвращавшихся с уловом, за что и получали вознаграждение. Излишки рыбы продавались.

В семьях, имевших лодки, ребята вместе со взрослыми промышляли дровишками. Тут ценилось не только умение управлять лодкой, но и мастерство в работе багром, и навыки в обращении со специальной скобой. Отлавливали отбившиеся от пло-

тов, свободно плавающие бревна, доски, вытаскивали топляки. За весну и лето на берегу вырастал целый штабель. Реализацией «улова» занимались взрослые. Именно у их ребят появились первые велосипеды, новенькие, отечественные. Ходить на реку нравилось еще и потому, что кроме купания можно было с кем-то покататься на лодке, посмотреть, как работает инвалид-лодочник на своей тяжелой лодке, перевозя людей на другой берег. Очень часто с ним рядом садился кто-то из переезжающих мужчин и брался за весла. Иногда, когда людей было немного, он позволял и нам поработать веслами. У речки можно было развести костерок и погреться у него после купания в прохладную погоду.

«Пора и чайку попить, заварился уже», – прервал мысль Яковлевич. Быстренько приготовил бутерброд с сыром, хлеб был зерновой, его любимый.

На речку ходили мимо хлебозавода, расположенного в начале улицы, у самой реки. Из распахнутых окон растекался ароматный запах свежей выпечки. Шаги невольно замедлялись, и ребятишки с удовольствием вдыхали этот волшебный аромат, доставшийся «за так» и без очереди. Дышали и не могли надышаться. Ведь у высокого крыльца «восьмого», так называли магазин № 8 на улице Герцена, в котором отоваривались хлебные карточки, надо было выстоять несколько часов в длиннющей очереди, чтобы получить свою норму свежепахнущего хлеба. С отменой карточек очереди стали вроде еще длиннее. Яковлевич очень удивился, когда на днях, оказавшись в том районе снова, как в детстве, почувствовал вкусный хлебный запах. Оказалось, что предприятие работает. Судя по вывеске, это цех № 4 Комбината хлебопродуктов.

Ребята четко определяли по солнышку и по звуку гудка прибытие или отправление того или иного пассажирского парохода. «Ляпидевский», «Леваневский», «Иван Папанин», герои-полярники - это большие пароходы. «И.А.Крылов» и «А.П.Чехов» - пароходы чуть поменьше. И самые малые носили имена героев-летчиц: «Полина Осипенко», «Валентина Гризодубова», «Марина Раскова». У каждого парохода был свой неповторимый гудок, а у последних трех – сирена. Если у больших пароходов колеса с плицами располагались по бокам, то у маленьких – сзади. А потому и волны у «летчиц» были невысокие не то, что от «полярников». Ребята выплывали «на валы», чтобы на них покачаться. Самые отчаянные выплывали почти навстречу пароходу, несмотря на короткие тревожные гудки и крики капитана. Рискуя попасть под колесо или быть затянутым под корпус быстро идущего парохода, смельчак сразу же за колесами успевал сделать рывок к иллюминаторам и, вытолкнув свое тело из воды высоко вверх, схватиться за одну из цепей, свисающих под палубой, и, подтянувшись, пронестись вместе с пароходом несколько десятков метров, разрезая ногами воду, а, отцепившись, еще долго качаться «на валах». Возвращался он героем, и еще долго эта тема была предметом обсуждения, так как зацепиться за пароход удавалось не каждому, хотя «погеройствовать» пытались многие. Женьке один раз сделать это удалось, а повторять он уже не пытался.

Родители слышали о таких «подвигах» и на реку ребят отпускали неохотно. Самым суровым

наказанием был запрет выходить из дома, тем более идти на реку, когда друзья туда звали. В таком случае Женька согласен был даже идти с матерью на речку полоскать белье, хотя для него это было самое ненавистное занятие. Нелегко было тащить два квартала набитую мокрым бельем корзину, да еще подниматься на крутой берег или спускаться с него. Жалеючи сына, мать давала корзину поменьше, а потому приходилось делать несколько ходок до реки и обратно к дому. Оставалось радоваться и тому, что, пока мама полоскала белье, можно было тут же у плота и окунуться.

Зимой белье полоскали в проруби. Корзинки с бельем возили на санках. Страшно было смотреть, как мама, стоя на коленях на какой-то подстилке или дощечке, брошенной на лед, достает из корзинки или из кучки белья, уже выложенного рядом с прорубью, наволочки, простыни, рубахи и другие вещи, опускает их попеременно в ледяную воду и дергает туда-сюда. Время полоскания для Женьки тянулось бесконечно долго, и он успевал перейти на другой берег, осматривая по пути вмерзшие в лед пароходы и баржи, отгороженные от пешеходного перехода заборами с той и другой стороны. На судах слышны были звуки кувалды, сверкали огни электросварки. Шли ремонтные работы.

По первому, еще не занесенному снегом, но уже достаточно крепкому льду на реке ребята катались на коньках по ветру «под парусом», раскрыв полы своих пальтишек и фуфаек. Коньки «снегурочки» или «хоккейки» прикручивались веревками на валенки. С ботинками «бегаши» Женьке купили, когда он учился в старших классах. Долго искали мастера, который приклепал бы коньки к ботинкам. И вот он, счастливый, коньки через плечо, идет на стадион «Динамо». Там каждую зиму заливали каток. Коньки ребята точили сами, а на стадион ходили компанией. Хотя стадион по молчаливому согласию был как бы нейтральной территорией, но мелкие стычки между районами иногда случались, и осторожность не мешала. Билетов на «массовое катание» обычно не брали, а перелезали через забор. Одевали коньки на валенки, а те, у кого коньки были на ботинках, надев их, прятали валенки в снег и выходили на лед, просто катались, в «вершки» играли. Надо было догнать кого - нибудь из играющих и дотронуться до него, и «вершок» считался отданным. А догоняемому надо было увернуться или постараться тут же возвратить «вершок», передавшему его или другому играющему. В хоккей сражались поближе к дому на замерзших лужах, прудах, а иногда и прямо на дорогах. Ведь транспорта тогда было мало. Допускалось играть одновременно и на коньках и без коньков.

И вот еще что, в какой-то мере связанное с рекой. После окончания седьмого класса я решил поступить в речное училище, отправил документы в Ригу. Получив вызов, ездил туда с мамой, одного родители не отпустили. Не прошел по медицинским показателям, хотя в Вологде медицинская комиссия в поликлинике водников дала «добро», что подтверждалось соответствующей справкой.

И еще. Уже позднее, по возвращении из Сибири, целую навигацию да и зиму, работал в речном порту грузчиком, там же выучился на водителя погрузчика и мотористa транспортера, «корочки» получил. Кстати, они очень пригодились, когда подрабатывал на плодоовощной базе в Чертаново в

Москве. Работа одного водителя с «корочками» оценивалась как труд четырех грузчиков.

На сегодняшний день вроде бы особых планов не намечалось и, взяв в руки когда-то принесенный из дома альбом с фотографиями, Яковлевич присел на диван.

«Дожили! – усмехнулся он про себя. – Сижу, чаи гоняю, альбомчики листаю или книжечку. И плантации дачные радуют, только не расслабляйся. А как выживали в те годы?!

Те годы! Это о тех военных и послевоенных, из-за которых сейчас появился у них, пожилых уже людей, официальный статус «дети войны». На первый взгляд даже странно, что при воспоминании о детстве не приходит каких-то исключительных эмоций или переживаний. Что это? Равнодушие? Нет, не может быть. Скорее, это от давности событий, от сравнительно уверенного образа жизни последних лет, спокойствия, приобретенной в те годы привычкой терпеть, переносить, выживать. С воспоминаниями на душе становится будто бы теплей, хотя именно тепла в те тревожные годы как раз и не хватало.

Если смотрим фильм о блокадном Ленинграде, то от воя сирен даже и сейчас проходит озноб по коже. Мы это знали не по фильму. Тогда довольно часто и реально слышали завывание сирен и суровый голос из черной тарелки репродуктора: «Граждане, воздушная тревога!» И блокадник Юрка с Невского на углу Мойки, почти мой ровесник, с матерью, бабушкой и тетей из эстонского Тарту почти два года жили с нами в одной квартире. Этот тревожный голос заставлял нас, детишек, подниматься, хотя очень хотелось спать.

Тревоги объявлялись в основном ночью. Окна заклеены бумажными полосками и завешаны листами плотной черной бумаги. Мама, Валентина Александровна, быстро собирала детей. Женька со старшим братом Юрием, схватив приготовленные на этот случай узлы, в темноте, по стенке, держась друг за дружку, спускались во двор, где были вырыты так называемые бомбоубежища: траншеи, стены которых были укреплены жердями, а потолок представлял собой бревенчатый накат, засыпанный землей. Сыро, темно, холодно, пахнет мышами, сквозь щели сыпется земля. Страшно. В бомбоубежище спускались только женщины и дети. В темноте соседи рассаживались на влажные скамейки, сделанные из жердей, крепко прижимая узелки с пожитками. Взрослые и дети постарше успокаивали младших. Иногда на короткое время зажигалась коптилка или лучина. Все делалось на ощупь. Если, проходя в темноте и толкотне через двор, соседи иногда между собой беззлобно, скорее по привычке, переругивались то в бомбоубежище сидели в основном молча, тревожно прислушиваясь к гулу высоко пролетающих самолетов. Детей во время тревоги на улицу не выпускали. Самих бомбежек Яковлевич не помнит, да, вероятно, их и не было. Уже, будучи взрослым, слышал, что Вологда утопала в зелени, особенно летом, и очень хорошо была замаскирована. Потому немцы ее и не бомбили – не могли найти.

А вот немецкие самолеты он сам видел. Один, говорили, сбитый под Вологдой, стоял в центре города на площади, недалеко от кинотеатра имени Горького (сейчас там установлен поклонный крест). Даже немецкий летчик был в кабине, наверное, ма-

кет. Специально ходили несколько раз на «сбитого фрица» посмотреть. А еще самолеты со свастикой видели на свалке металлолома за мебельной фабрикой, куда пробирались за дюралем, плексигласом, всякими винтиками, трубками, приборами.

До войны Женька с родителями и братом жили в трехкомнатной квартире на втором этаже дома на углу улиц Речников и Урицкого, напротив четвертой школы – семилетки. Из одной комнаты был выход на балкон, это всего больше радовало Женьку. Просторная кухня с огромной плитой оказалась очень кстати позднее для коммунальной квартиры. Отопление в доме было печное, остальные «удобства» - во дворе. Во всех квартирах были отдельные помещения, предназначенные для ванн и унитазов, которые по каким-то причинам не были установлены. Жильцы угловых домов за водой ходили на колонку, на улицу Герцена.

Когда отец ушел на войну нашу семью, как и другие семьи, «уплотнили». Мы втроем остались жить в комнате с балконом. В другой поселились командированные офицеры части НКВД по охране железных дорог, а третью комнату заняли эвакуированные из блокадного Ленинграда. Юрка - ленинградец выживал вместе с вологодскими мальчишками. После войны Женька вместе с мамой много раз бывал у них в гостях.

Занята была даже ванная комната. В ней жила тетя Клава, проводница. Уже после войны соседи менялись несколько раз, а они так и оставались жить вчетвером в комнатушке с балконом, пока братья не ушли служить в армию, сначала Юрий во флот, а затем и он, Женька. Отец считал, что еще не настало время «расширяться», люди жили и в более стесненных условиях.

Из дошкольной жизни Яковлевичу вспомнился лишь детский садик на улице Герцена. На его месте сейчас стоит «высотка». Напротив садика был штаб воинской части, в котором работала мама Женьки. А они детишки, надев рукавички, рвали и собирали крапиву за верандой и сараями и отдавали на кухню детского сада «на суп». Иногда обжигались крапивой, были и слезы, но вовремя сказанное ласковое слово воспитателя быстро сушило слезу, а вкусно сваренный из собранной крапивы суп приводил в неописуемую радость. И еще помнится большая фотография, хранившаяся в родительском альбоме, но которую, к сожалению, не смог отыскать. На фотографии Женька с ребятами из их группы, в пилотках и в защитного цвета куртках, лежа на возвышении из веток хвои, «стреляют по врагам» из «пулемета» «Максим». Фотографии предназначались специально для отправки на фронт отцам-фронтовикам.

В воспоминаниях той поры есть место и трофейным финским лыжам и рогам лося, оставленным для них отцом у своей сестры тети Нюры, которая жила в Няндоме. На этой станции все поезда останавливались для дозаправки паровозов топливом и водой.

Лыжи были длиной более двух метров, причем у них были загнуты оба конца. Юрий как-то попробовал встать на них, но ничего не получилось. Лыжи были очень узкими и проваливались глубоко в снег, поэтому они много лет простояли в сарае. Позднее Женька, как и другие ребята, сам делал лыжи из заготовок, взятых из штабелей на террито-

рии мебельной фабрики. Туда пробирались, отодвинув одну из досок в заборе. Территория не охранялась, и ребята спокойно могли выбрать подходящие заготовки, желательно без сучков. Дома вымерялась необходимая длина с учетом расположения площадки, излишки отпиливались, носку придавалась заостренная форма, затем носки лыж опускались в ведро с горячей водой и, постепенно нажимая носком лыжи на дно ведра, делался нужный загиб. Загнутые концы лыж можно было на некоторое время закрепить дополнительно в распорки. Горками для ребят служили железнодорожная насыпь, берега речки Шограш, реки Вологды у горбольницы и у домика Петра, бугры бомбоубежищ, в том числе и у мебельной фабрики. На лыжах ходили за елками на «торфянку» за льнокомбинатом.

Рога лося востребованы были значительно позже. Отец сам привел их в порядок, покрыл лаком и укрепил на специальной площадке с петлями. Рога стали служить вешалкой для головных уборов. При переезде на другую квартиру Яковлевич подарил их своему хорошему знакомому для домика в деревне.

Тогда же вместе с лыжами оставил отец и продукты питания, что в то время было значительно важнее. Особенно запомнились галеты и сахар большими кусками, а также мясные консервы в узких, но высоких банках. Говорили, что это американские. Тогда он впервые узнал, что такое бекон. А щипчики, которыми «кусали» сахар, сохранились до сих пор.

«Вот было вспомнил там про кур, поросят, корову. А ведь они появились у людей лишь спустя несколько лет после окончания войны». «А во время войны и первые годы после ее окончания, питались исключительно плохо, выживали как могли».

Выручали грядки. Вся земля между домами, во дворах и вдоль улиц была перекопана. Тротуаров тогда еще не было, разве что в центре. Кое - где, правда, были досчатые мосточки, а так пешеходы ходили обочиной. На грядках сажали в основном картошку («верхушки», иной раз даже картофельные очистки), некоторые на свой страх и риск - лук, морковку, свеклу, капусту. Популярны были посевы табака, так как за него на воинской платформе можно было выменять хлеб. Но урожай надо было охранять, потому что однажды утром грядки могли оказаться пустыми. Были участки и не рядом с домом. Яковлевич помнит, как он, первоклашка, с братом и мамой ездили на поезде на станцию Чахлово, где для семей военнослужащих штаба и вольнонаемных были нарезаны участки для посадки картофеля. Ну, какой из него тогда был помощник? Скорее, обуза. С подножки поезда самостоятельно слезть не мог, тем более на нее забраться, платформы там не было. Брали, вероятно, потому, что не с кем было оставить.

Был еще ряд возможностей «добычи» пропитания. Напротив нашей школы – семилетки (сейчас - департамент образования) был Козловский огород. Назывался так, видимо, по фамилии бывшего хозяина усадьбы, которая стояла у пруда левее и значительно ниже его окружении высоченных деревьев. Фактически это был не огород, а размером несколько гектаров вспаханное поле. Обычно поле засевалось турнепсом, реже свеклой или капустой. Контролировал объездчик на лошади. Так вот ребятня, выждав момент, когда отсутствовала охра-

на, опустошала ближний к дому уголок «огорода», рискуя получить плетью меж лопаток. Как-то сосед по даче спросил Яковлевича, что такое турнепс, многие не слышали о такой культуре. Он рассказал, что этот, похожий на брюкву, кормовой корнеплод помог сохранить жизнь многим мальчишкам из его дома.

Еще был вариант с колобом. Тоже не все знают о таком продукте. Для них, мальчишек, в то время это был деликатес, правда, они такого слова не слышали. Квартала за полтора от школы, в сторону центра по улице Урицкого, во дворах располагался небольшой маслозавод или, как его называли, – маслобойка. Вырабатывал он, как можно догадаться, масло. Масло растительное, подсолнечное и соевое, может быть и еще какое, но Яковлевичу запомнилось, что они грызли, лизали и сосали именно подсолнечный и соевый колоб. Это отходы отжима, плотно спрессованные в плиты, - жмых. Колоб возили на корм скоту в деревню мимо наших домов. Деревенские мужики, возчики, видимо, глядя на изможденные голодом лица городских мальчишек, то ли жалеючи, то ли опасаясь, что отнимут, угощали их прямо на ходу, не останавливая телегу или сани, если это было зимой, откалывая молотком куски колоба от большой плитки. Яковлевич помнит, что подсолнечный колоб был вкуснее. Он был настолько сладок, что с ним даже пили чай. А так чай зимой был в основном морковный или из заготовленного летом брусничного листа, собранного на «торфянке». Морковку со своего огорода, кто имел такую возможность, вялили или сушили, заготавливая на зиму.

«Я знаю, что и сейчас некоторые любят пожевать зимой и весной, особенно, вяленую морковку. Мой коллега, юрист, тоже «дите войны», только постарше немного, не раз предлагал дольки завяленой морковки и сам жевал ее как жвачку. Я попробовал: вкусно, но не надолго, не прельщает. Не заинтересовался».

После возвращения отца с фронта ежегодно осенью солили бочку капусты и поменьше бочоночек путятинских огурцов. За огурцами папа ездил в Ярославскую область на «спекулянте», так называли пригородный поезд в ту сторону. Отец работал ответственным секретарем редакции газеты «Северный путь», а мама - корректором, и проезд по Северной железной дороге для них был бесплатный. Капусту прикупали в подсобном хозяйстве железнодорожников, совхозе «Осаново». Своей, обычно, не хватало.

Из пригородов и других деревень на «спекулянте» везли в город мясо, рыбу, молоко, мед, картофель, овощи и другие продукты питания, помогая горожанам выжить.

А те сами ехали в деревню. Мама с тетей Марусей ездили по деревням, обменивая на продукты перекроенные и перешитые носильные вещи из домашнего гардероба. Вместе с картошкой и мукой мама обязательно привозила бутылку вкусного топленого молока. Шила мама на швейной машинке «Зингер» ночами, после того, как уложит спать детей, и если не вызовут на разгрузку раненых на станцию «Вологда вторая». Санитарные поезда приходили ночью, и тут же со станции раненых от-

правляли по госпиталям. Возвращалась мама под утро, уставшая, вся измотанная от увиденного. Но мы не слышали, чтобы она жаловалась на усталость, разве что всплакнет, получив треугольничек от папы с фронта, и то тайком, чтобы дети не видели. Семья Логиновых, тети Маруси, жила в поселке управления, на улице Герцена, рядом со штабом. Наташа и Дима, дети тети Маруси, почти ровесники, тоже «дети войны». Женька с ними был хорошо знаком, все же отцы - журналисты. Дядю Колю, их отца, капитана второго ранга, бывшего спецкора газеты «Советский флот», после войны перевели по службе в Москву, где он работал ответственным секретарем «Иллюстрированной газеты», литературным сотрудником журнала «Советский моряк», старшим редактором военного издательства. Туда же переехала и семья. Наташа закончила факультет журналистики МГУ, пошла по стопам отца, военного журналиста, работая в журнале «Советский воин». Дима занимался секретными военными технологиями в области радиоэлектроники. В Москве Женька бывал неоднократно. Во время практики на ЗиЛе жил в съемной квартире на улице Велозаводской, Когда приезжал, сразу созванивался с Наташей или ее мамой, его всегда встречал радушный прием. Не забывается, как выживали в поселке управления. Однажды и свою маму, уже старенькую, свозил к тете Марусе в Москву и на дачу в Подмосковье.

Поселок управления называли так неофициально, потому что в Вологде в то время находилось Управление Северной железной дороги (позднее с переводом управления в Ярославль в здании разместился Совнархоз, а еще позднее - детская больница), и большинство руководителей многочисленных служб управления проживали в этом поселке. Все деревянные двухэтажные восьмиквартирки в поселке занимали в основном семьи железнодорожников. В Женькином доме жили представители, наверное, всех железнодорожных профессий: отт стрелочника, который «всегда виноват», кондуктора и проводника, до машиниста–инструктора, который для ребят был просто дядя Коля Румянцев. Сохранилась даже фотография, где он вместе с паровозниками своей колонны. Дома строились одновременно со строительством вторых путей и становлением завода ВПВРЗ из бывших железнодорожных мастерских. До сих пор в Вологде сохранилось много домов такого стандарта, часть из них пришла в негодность, другие неоднократно реконструировались. В доме, где когда-то жил Женька, например, теперь нет балконов, но зато в квартирах есть все удобства. Прежних жильцов в доме не осталось.

В городе было много госпиталей, один почти напротив Женькиного дома, в двухэтажном деревянном доме. Мимо госпиталя со стороны льнокомбината часто водили колонну военнопленных для выполнения различных работ на территории города. В районе поселка льнокомбината располагался лагерь для военнопленных, которые работали на стройке и на мощении дорог. Услышав, что ведут пленных, ребятишки бежали посмотреть на немцев. А из госпиталя с противоположной стороны улицы кто как мог передвигались и скакали с костылями раненые. Мелькали палки, забинтованные руки, ноги, головы. На немцев сыпались удары и ругательства. Охранники, молодые ребята с автоматами,

только смущенно отговаривали: «Ну, хватит, братцы, ну, хватит!. И тут же кричали немцам основательно заученные слова: «Шнель! Шнель!».

Уже после окончания войны и после того, как госпиталь переехал из дома, напротив, рядом с ним построили барак из бруса для учащихся школы ФЗО. Этот барак тоже строили военнопленные немцы. Их было примерно человек десять. Уходить с объекта немцам не разрешалось, но фактически на протяжении дня они были без конвоя. Военные их только приводили и уводили со стройки. Поселковые ребята, разумеется тайком от родителей, пробирались туда, приносили им поесть, изыскивали что-нибудь, несмотря на свои скудные возможности. Мальчишек удивляло, с каким мастерством немцы делали различные вещицы: зажигалки, карты, рамочки для фотографий, ручки, наборные ножи. Один здорово показывал различные фокусы. Свои изделия немцы дарили им, как бы в благодарность за скромное угощение, обязательно с просьбой не говорить где их получили, в противном случае, их могли наказать, даже ограничить в свободе. Ребята постарше ножи выменивали на что-то более серьезное. Общались с немцами при помощи жестов и неплохо понимали друг друга. Когда немцы мостили камнями их улицу, работали у всех на виду, их подкармливали уже и взрослые. Прошла эйфория победы, перестали черстветь души, смягчались сердца, выживать надо было всем.

«Вроде бы отклонился от вариантов выживания, – подумал Яковлевич. - Надо обязательно вспомнить про историю с капустой».

История эта повторялась ежегодно осенью и связана была с засолкой капусты. Нет, не домашней засолкой, которой начали заниматься несколько позже. Здесь, дома, всем семейством исполняли определенный ритуал. Начинался он с заблаговременного приготовления бочки для ее засолки: замачивания, заливания кипятком с камнями и вересом, укрепления обручей. Затем шел процесс загрузки емкости содержимым. Дно бочки выкладывалось цельными листами капусты. Поверх листов бочка заполнялась нашинкованной капустой и морковкой, перемешанными с определенным количеством соли и перемятыми до выделения из капусты сока. Шинковали и мяли капусту попеременно отец с матерью, а Женька и Юрий с нетерпением ждали очередной кочерыжки, того, что оставалось от кочана капусты. Яковлевич до сих пор помнит сладость именно той кочерыжки.

За квартал от их дома, на окраине (сейчас там улица Рабочая), был засолочный пункт, скорее всего от того же совхоза «Осаново», потому что капусту туда завозили с «осановских» полей. Капусту возили навалом на «полуторках» и «трехтонке», так тогда называли автомашины в зависимости от грузоподъемности. Мощеная каменная дорога по улице Герцена заканчивалась улицей Речников. Если ехать дальше от перекрестка прямо, то машины попадали в огромнейшие ямы и могли часами буксовать в непролазной грязи. Поэтому водители поворачивали влево, и машины тряслись по менее глубоким ухабам и, поворачивая на перекрестке за их домом, ехали по вновь

отсыпаемой дороге в сторону засолочного пункта. Других подъездов не было.

Интересное начиналось, когда очередная машина с наставленными бортами, тяжело загруженная капустой, натужно урча и медленно переваливаясь с боку на бок на буграх улицы, равнялась с их домом. Водитель не мог видеть, как из-за угла выскакивала ватага мальчишек, человек восемь-десять, с крючьями, сделанными из толстой проволоки. Мальчишки как саранча набрасывались на машину, втыкали крючья в кочаны и сдергивали их на землю. Схватив кочан с земли, стремглав убегали за дом. Ребята половчее умудрялись сдернуть несколько кочанов. Их подхватывали ребята, которым не повезло, крючок, например, не удержался в кочане, или ребята, выбегавшие без крючьев, специально на подхват. За поворотом машина набирала скорость, и бежать за ней дальше было бесполезно. Спрятавшись за сараями, все дружно с аппетитом уминали капусту, вновь и вновь пересказывая друг другу свои действия во время набега. Почему-то называлась эта операция «арыкать капусту».

Молва о набегах, видимо, доходила до хозяев засолочного пункта, и в кузов автомашины поверх капусты сажали мужика, которому вменялось охранять капусту. Но ребята все равно выскакивали к машинам и сначала просили мужика сбросить несколько кочанов, что некоторые и делали, жалея голодных мальчишек. Тогда атака прекращалась. А вот если тот начинал материться и угрожать, то ему самому приходилось увертываться от крючьев, и несколько кочанов мальчишкам удавалось сдернуть на землю. Были случаи, когда ребята постарше даже задний борт на ходу открывали, и уж тогда не кочан, не два, а несколько десятков скатывались на землю. Машина останавливалась. Добыча была приличная, но убегать приходилось далеко и прятаться основательно. Нарабатывалась определенная тактика проведения операции. Если машины шли колонной, то нападению подвергалась только последняя. Участник набега должен был уметь хорошо бегать, чтобы не поймали. Уточнялись пути отхода и места сбора, совершенствовалось оружие (крючки) За такое, конечно, никто по головке не погладит, а потому всегда про такие дела старались молчать, тем более при посторонних, не называть чьи-либо имена или фамилии. Через несколько лет засолочный пункт ликвидировали, и проблема исчезла. К тому времени у многих семей появилась

возможность запастись капустой на засолку, покупая ее все в том же совхозе «Осаново».

Помнится, как на кухне в пятой квартире у Добряковых собирались, приносили несколько картошин, мыли их или просто начисто вытирали и, отрезая тоненькими кружочками, бросали их на горячую плиту. Спустя несколько секунд, поддевали кружочек ножом и переворачивали на другую сторону. Еще несколько секунд на плите - и деликатес готов. Поджаренный с двух сторон, сыроватый внутри ломтик хрустящего картофеля, чуть поостыв, отправлялся в рот.

В начальных классах на шершавой, как шкурка, черной бумаге писали грифелями, ни бумаги, ни карандашей не было. Только позднее появились «рондо», «пионер» и «лягушка», так перышки назывались. И «непроливашки», чернильницы, которые носили в специально сшитых мешочках. Можно было бы воспринимать это как шутку в наш компьютерный век, если бы это не было на самом деле.

После окончания войны солдаты возвращались с фронта и встречали их очень радушно. Расспрашивали, много сами рассказывали. Пацанов, что помелче, угощали сахаром, хлебом, дарили звездочки, гильзы и иногда даже пилотки или ремни. А за табачок с маминой грядки кроме благодарности можно было получить буханку хлеба или моток бикфордова шнура, который потом использовался на «подрывных работах» во время игры, или какие-то необычные трофейные вещички. Возвращались домой счастливыми в который раз пересказывая друг другу истории, услышанные от бойцов, хвастались «трофеями».

Яковлевич по себе знал, как жила ребятня во время войны и после ее окончания. Очереди, в том числе и по карточкам. Очереди были за хлебом и сахаром, за пахтой и обратом, за маслом и крупой, за мылом и керосином. Надо было занять очередь, простоять в ней несколько часов, изнывая от жары или замерзая от холода, в темноте и под дождем, а если отлучишься куда, то надо не опоздать на пересчет, а то очередь твоя пропадала. Дома требовалась помощь: воды натаскать с колонки, дров из сарая натаскать для топки печей в комнате и на кухне. И еще надо было сделать десяток разных мелочей: белье отвезти на речку, прибрать в комнате и на кухне, вынести мусор из ведер, поработать на огороде, сделать уроки и выполнить много других дел. Ну и школа, разумеется. К новому году с мамой делали елочные игрушки, в том числе и для школьной елки. Мама была в родительском комитете, и потому предновогодних забот хватало. Без новогодних подарков никто не оставался.

Находили время и для игр, особенно в школьные каникулы. Чаще «в войнушку», «в прятки», «в городки», «попа гоняли» бывало до льнокомбината несколько километров. На футбольные сражения «двор на двор» выходили с первой весенней травкой. Играли «на лужах» за Шограшем, небольшой речкой за мебельной фабрикой. Лужи оставались после разлива речки и высыхали полностью лишь к средине лета. А весной, радуясь солнышку, бегали прямо по лужам, по невысо-

хшей еще грязи. Гоняли набитую соломой покрышку от мяча, всю шитую-перешитую суровыми нитками или скрепленную проволокой. Бывало кто-то из команды чужого двора приносил свой настоящий хорошо надутый мяч. Радости не было предела, мяч гоняли до темноты, забыв обо всем на свете.

Яковлевич помнит, что у них был дорожный велосипед, даже марку велосипеда - МВЗ. Он давно висел на стеночке в кухонной кладовке. Колеса были откручены и повешены рядом, руль, одна педаль и седло повернуты, чтобы велосипед плотнее прилегал к стенке. Когда отец вернулся с фронта, Женька попросил его собрать велосипед. Велосипед был исправен, но камеры для колес оказались непригодны, резина сопрела от неправильного хранения. А новых нигде не купишь. Чтобы покататься на нем, набивали велосипедные покрышки соломой и ездили по обочине, чтобы не погнуть обод колеса. Женька разрешал прокатиться на велосипеде всем мальчишкам по очереди. С седла до педалей не доставали, так ездили под рамой или, отвернув в сторону седло, привязывали к раме подушку.

Иногда Женьку отправляли на каникулы к тете Оле, папиной сестре, в деревню, которая находилась за десять километров от станции Коноша. Там находились склады госрезерва. Поезда туда не ходили, и добираться приходилось пешком по шпалам железнодорожной ветки. Но зато какой там был отдых! Ягоды, грибы, рыбалка на глухих озерах, катанье по ним на плотах, купанье, а в доме - парное молоко и еще горячий из печки хлеб. Все-таки, казалось тогда Женьке, в деревне выживать было легче. У тети Оли было четверо ребятишек. Только Юра - мой ровесник, а остальные - все младшенькие. Женька, выходит, был пятым ртом. Но никто не обижался. Да и он кое в чем помогал: собирал грибы и ягоды, ворошил и убирал сено, заготавливал осиновые веники на корм скоту, жерди на изгородь, не выводилась в доме наловленная ими на озерах рыба.

Читать книжки любили все мальчишки, особенно приключенческие: «Три мушкетера», «Граф Монтекристо», «Королева Марго», «Айвенго», «Всадник без головы», любили читать Жюль-Верна, Джека Лондона, Хемингуэя, позднее «Три товарища» Ремарка и Василия Аксенова. Вот лишь малая толика того, что нравилось читать «детям войны» в то время. Книжки перечитывались помногу раз, передавались из рук в руки, ими обменивались. Засиживались в читальных залах библиотек, а в старших классах даже на уроках читали из-под парты.

В издательство новая литература поступала довольно часто, и отец приобретал книги для домашней библиотеки в основном в бумажных переплетах, недорогие. Некоторые из них отец дома переплел, заодно и сына научил этому делу. Позднее Женька самостоятельно переплел ряд книжек. Штук пять – шесть из них сохранились до сих пор. Книжный интерес остался у Яковлевича на всю жизнь, сохранилась и определенная часть библиотеки родителей, пополненная уже им самим. Какая библиотечка значительно поредела, потому, что некоторые читатели забывали возвращать прочитанные книги. Как везде мальчишки играли и в азартные игры на деньги. В «пере-

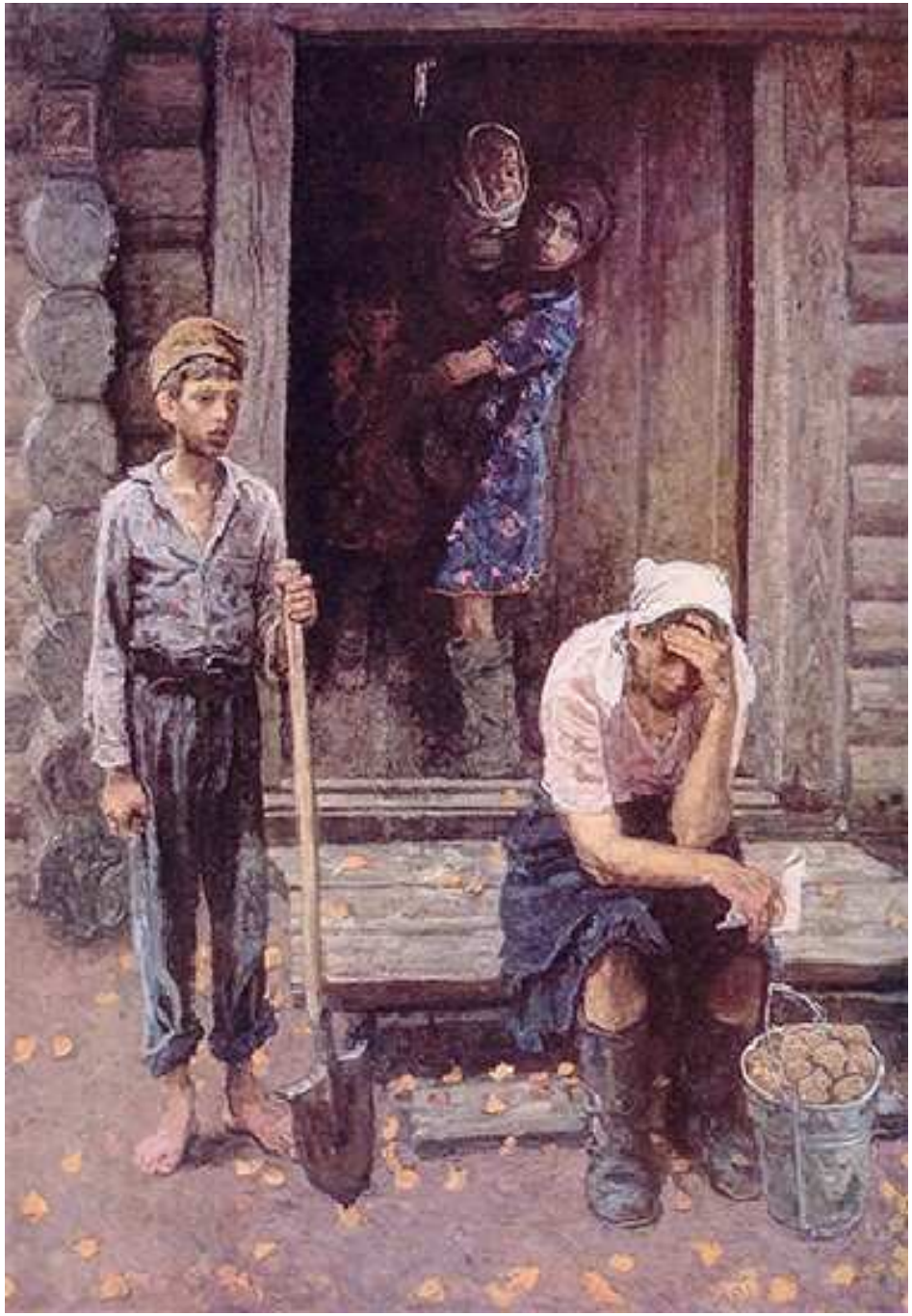
бивца», например, когда, ударяя «битой» по монетке или по «кону» из нескольких монет, заставляли их переворачиваться вверх выигрышным «орлом». Битой служила обычно тяжелая старинная медная монета. Иногда ребята отливали биту из баббита, заливая расплавленный металл в специально изготовленную формочку. Из этого, сравнительно мягкого металла, отливали также различной формы пистолеты с медной трубкой вместо ствола, заряжали их порохом, позаимствованным из петард у сумки кондукторов. Из пистолетов стреляли шариками по самодельным мишеням. Еще в деньги играли «об стенку», в «орла и решку». И в карты играли, и в лото. Вместо денег шли и фантики, коллекционировали почтовые марки.

Яковлевич с сожалением вспомнил об утрате своей, когда-то очень большой для того времени коллекции марок. Когда он служил в армии, родители переехали жить на улицу Завокзальную. Вскоре после возвращения из армии дом поставили на капитальный ремонт, а семья переехала в «переселенческий фонд». Альбомы с марками каким-то образом оказались в сарае среди собраний сочинений Ленина и Сталина. Ремонт продолжался около года, и за это время крысы в сарае основательно подпортили коллекцию, распотрошили все альбомы. Оставшиеся марки он раздал ребятам.

После девятого класса он добился у отца с матерью разрешения и пошел работать учеником формовщика в литейный цех завода ВПВРЗ. С этого и началась официальная трудовая деятельность. Сразу после армии тоже работал в литейке паровозного депо.

Военную специальность получили только двое: Лева Кириллов из соседнего дома и Игорь Васильев из их дома. Оба в летные училища поступили. Лева стал технарем после Батайского училища, а Игорь в Кировограде (Каменка) учился на военного летчика. Но с выпуском наметилась альтернатива, и он выбрал ГВФ, после чего переучивался то ли в Минске, то ли в Риге летать на гражданских самолетах, а работал уже в Иркутске в отряде полярной авиации. Первоклассным водителем был Юра Галкин. Жаль, рано ушел из жизни. Лешка Серов после службы в группе войск в ГДР стал хорошим токарем, а затем мастером на льнокомбинате. Брат его, Славка, стал классным электриком и профессиональным водителем. Это с ним и с Генкой он, Женька, прочитав статью в «Комсомольской правде» «Встанет гигант семилетки», отправился в Сибирь искать романтики. Генка к тому времени уже освоил профессию машиниста башенного крана в техническом училище города Череповца. Позднее они оба выучились на сварщика. Герман Чирков после окончания университета стал работать химиком в закрытом тогда городе Томске. В закрытом учреждении работал и Юра Буянов, окончивший институт стали имени Сталина.

Яковлевич захлопнул альбом и добавил про себя: «Вот так, коротко о себе и о хорошо знакомых мальчишках из поселка управления, с которыми вместе выживали».



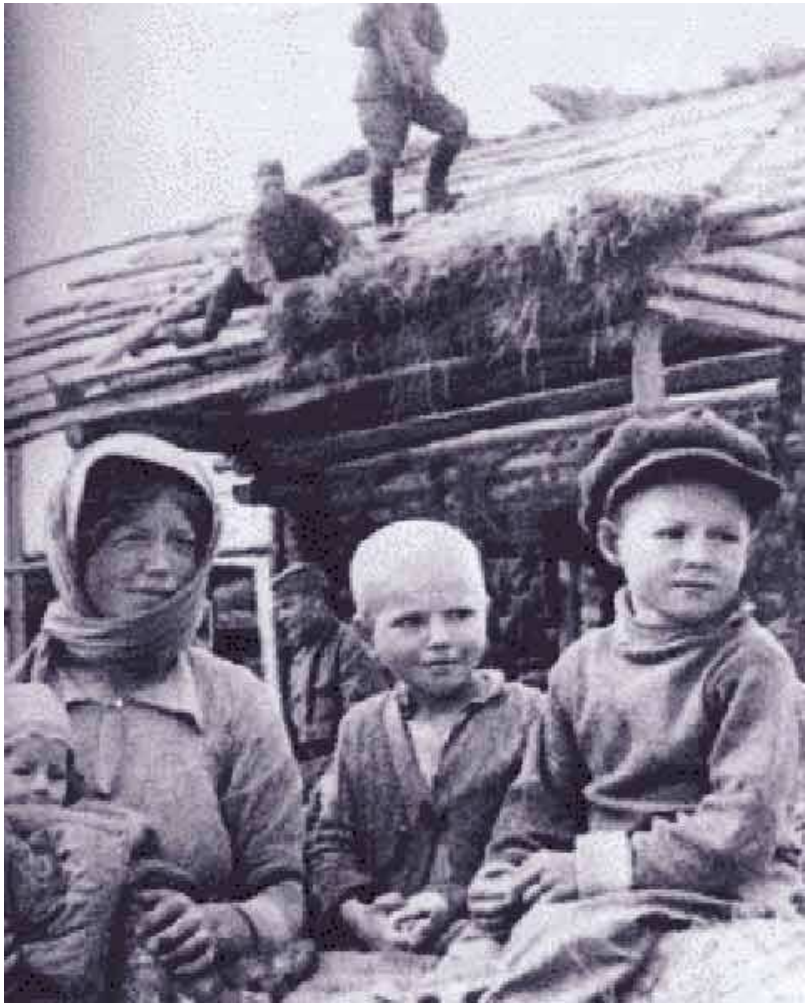
ДЕТИ ВОЙНЫ

Где-то там далеко осталась
Наша юность войной опаленная.
Что тогда нам о ней понималось?
Пацаны. Шантрапа зеленая!
До нее иль в войну рожденные,
От природы нам одолжение.
Символ жизни- дети военные
Неизбежное продолжение.
Продолжение отцов богатырское
Их на подвиг за Русь поднимавших,
И биение сердец материнское,
С фронта весточки ожидавших.
Треугольники папины с фронта.
Слезы мамы, давно уже выплаканные,
Да иглы немецкого «Зингера»
В перешитую строчку вытканные.
Мы крапиву ручонками детскими
Рвали с радостью – будем сытыми
И полосками окна клеили,
Чтобы стеклам не быть разбитыми.
И в убежище ночью прятались,
Слыша голос из черной тарелки,
Объявлявший тревогу воздушную,
К счастью, нашему без перестрелки.
Чтобы выжить копали и рыли
Меж домами своими грядки.

Даже дети к лопате привыкли,
Потому нынче дачи в порядке.
Да и лыжи мы сами мастачили
Из заготовки мебельной.
А на них после мчались с насыпи
И за елкой в лесочек бегали.
На платформе на нашей, на воинской,
Под вагоны с опаской глядя,
Пацаны как всегда были в поиске
Без отцовского строгого взгляда.
Табачком своим с грядок маминых
Угощали отважных воинов.
Возвращались домой счастливыми,
Что же надо нам было более!
Знали мы, что есть шнур бикфордов,
Запах пороха узнавали.
Пацаны, как и все мальчишки,
В детстве всюду в войну играли.
Все, прикрыв огневыми точками,
Представляя военных спецов,
Мы на карте цветными флажками
Отмечали движение отцов.
«Пленных гонят!» – несется по городу.
Мы к балкону стремглав летим.
Шла колонна понуривших голову
В окружении конвоя мужчин.
А из госпиталя военного,
Что у дороги стоит,
Кто как мог скакали раненые,
Чтоб костыль свой о фрица разбить.

Конвоиры - солдаты молоденькие
С автоматами ПэПэШа
Говорили негромко: «Хватит им, братцы!»
Обойти это место, спеша.
И давно уж родителей нет.
Мы же сами – нормальные деды.

ВОСПОМИНАНИЯМИ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ
Я ПРИВЕТСТВУЮ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ!



КИСЕЛЕВ
Михаил Федорович

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

На склоне своих лет трудно вспомнить, все что было в жизни. Годы, дела и события выветрили из памяти многое, особенно то, что относится к детству. Запомнилось лишь то, что забыть нельзя. Родился 20 октября 1941 года в Горьковской (ныне Нижегородской области), в древней лесной деревне с загадочным названием Шехонка, которая расположена в 20 км от областного центра. Помню себя лет с трех-четрых. Родители были людьми домовитыми, трудолюбивыми, поистине деревенскими.

Отец, Федор Михайлович, как только началась война, был призван в армию. На фронт ушло все мужское население деревни. Наша семья, в которой было пятеро детей, осталась на попечении матери, Минодоры Федоровны. По ее рассказам, начались бесконечные тревоги о муже, заботы о детях, борьба за выживание. Основной рабочей силой в деревне стали женщины, старики и подростки. Помню, как они пахали землю, нередко сами впрягаясь в плуг. Сеяли, разбрасывая семена вручную, выращивали и убирали урожаи, заготовляли корма для колхозного и личного скота, возили на санках сено с дальних покосов, дрова из леса. Сколько сил и здоровья они вложили в лозунг «Все для фронта, все для победы». Многие семьи голодали. В деревне появились бродячие нищие, просили милостыню малые дети, одинокие и немощные старики. Много было

эвакуированных и приехавших из-за голода горожан. В их числе врачи, которые как могли, помогали деревенским жителям, лечили болезни и спасали жизни детям, в том числе и мою. Город Горький почти до окончания войны подвергался бомбежкам немецкой авиации. Помнится, как ранним утром фашистские самолеты, маскируясь над лучами восходящего солнца, летели через нашу деревню в сторону города. Бомбили автозавод, завод «Красное Сормово», жилые кварталы. Огромное зарево от пожаров было видно из нашей деревни. В лесу прятались грабители и дезертиры. Они часто выходили на большую дорогу, ведущую в город, и грабили проходящих людей. Моя мама при возвращении из города чуть не погибла от рук бандитов, отобравших у нее отруби и жмых, которые она везла для пропитания семьи. Мы долго боялись ходить далеко в лес. На лицах людей редко появлялась улыбка. Единственной радостью были фронтовые треугольнички, написанные химическим карандашом. Помню, как мама много раз их перечитывала и бережно хранила. Все деревенские женщины, уставшие от многочасовой работы, истерзанные болью за своих мужей-солдат со страхом получали «казенные» конверты с похоронками или известиями о пропавших без вести. Сорок пять солдат из нашей деревни не вернулись с войны, 34 из них числились пропавшими без вести, в том числе и мой дядя по маминой линии Павел Трофимов. И тогда раздавался отчаянный крик женщины, ставшей вдовой, и плач детей. К нашему великому счастью, отец, служивший сапером, остался жив и вернулся домой. Это спасло нашу семью от голода, который обрушился после войны в 1946 — 1947 годах. Запомнилось, что нам всегда хотелось есть. Приходилось есть картофельные очистки, соевый и подсолнечный жмых, который покупали для скота. Весной собирали и ели корни хвоща, дикий лук, клеверные шишечки, а из мороженого картофеля пекли оладушки. Муки, даже отрубей, чтобы испечь хлеб не было. За колосок, сорванный в поле, можно было угодить в тюрьму., и мы это знали. Полуголодные и плохо одетые (одежда передавалась от старших младшим) мы все равно не чувствовали себя несчастными. Доброта наших родителей, дедушек и бабушек, привезенные ими из города лакомства - пряник, конфета-подушечка, принесенные из леса ягоды, как подарок от зайчика или лисички принимали такую искреннюю и необыкновенную радость, какую сейчас у наших детей и внуков не встретишь. Настоящий праздник у деревенской детворы наступал, когда в огороде поспевали овощи, а в лесу-ягоды и грибы. Суровые годы войны приучили нас, детей, рано взрослеть. Родителям помогали во всем: в поле, огороде, на сенокосе, колхозном дворе. Зимой многие подростки, в том числе и мой старший брат, учились столярному делу, которому их обучал мой дед по маминой линии. Летом вся детвора пропадала в лесу на сборе ягод и грибов, продав которые на рынке в г.Горьком, покупали самые необходимые продукты питания, одежду, учебники. Мне часто приходилось ходить пешком (позднее ездить на велосипеде) на базар, продавать свой товар, а потом радостно возвращаться домой с чувством выполненного перед родителями долга.

В первый класс я пошел поздно, мне было почти 8 лет. К этому времени жизнь в деревне стала понемногу налаживаться. В начальную

школу, которая располагалась в соседней деревне, я ходил с большой охотой, старался не пропускать занятий и учился прилежно и с интересом. Хорошо помню, как во втором классе отправился в школу в сильный мороз, хотя занятия из-за холода были отменены. Пришел один. Дверь была заперта. Я постучал и мне открыла ее наша строгая, но любимая учительница, которая жила при школе. Она удивилась моему появлению и пригласила в свою комнату, напоила меня сладким чаем и позволила самому выбрать в шкафу книгу для чтения. Отогревшись, я отправился домой и с гордостью рассказал обо всем родителям.

Учились мы в стесненных условиях. Учеников в школе было много, занятия проходили в одну смену в двух комнатах, занимались вместе первый - третий и второй-четвертый классы. Школу посещали и взрослые ребята, которые занимались по программе ликвидации неграмотности. Учебный процесс приучил нас много работать самостоятельно. Любимым уроком были математика и классный час, на котором учительница читала детские книги о Зое и Шуре Космодемьянских, Павлике Морозове, повести и рассказы Аркадия Гайдара.

Дома при свете коптящей лампы старался быстрее выполнить домашние задания, так как керосин был в большом дефиците. Тетрадей не было, и мы писали на оберточной бумаге. Тетради появились позже, мы приобретали их у старьевщиков, которые ездили по деревням, собирая ненужную утварь, старую и рваную одежду, кости, железки. По окончании 3-го класса меня приняли в пионеры, избрав председателем дружины. Я гордился, что мне доверили большое дело, и с энтузиазмом выполнял первое пионерское поручение - организовать в своей деревне сбор золы для колхозного поля. Мы работали на лесопосадках, ухаживали за саженцами сосны, собирали семена акации. В 5-тый класс семилетней школы я перешел с похвальной грамотой.

Я прожил трудную жизнь, многое пережил на своем веку, особенно в детские и юношеские годы, но никогда не забуду своих деревенских друзей-сверстников, многие из которых уже ушли из жизни.

ДЕТИ
ВОЙНЫ

КОСТРОМИНА
Валентина Васильевна

ТЯЖЕЛОЕ ДЕТСТВО

Для меня, моих сестер и братьев военное детство началось не 22 июня 1941 года, а значительно раньше.

Родилась я на хуторе Хлопотино. Родители моего отца переселились на этот хутор, где имели определенное количество земли, скота. Занимались сельским хозяйством, а в зимнее время катали валенки. Дед и отец были отличными мастерами-катавалами. После революции с хуторов выселяли, так как создавались колхозы, и земля отходила в их собственность. Родители выбрали деревню Потеряево, что в 2 км от нашего хутора. Мама стала работать на животноводческой ферме дояркой. В колхоз сдали 2-х коров, лошадь, быка. Чтобы жить в деревне, нужно было перевезти туда и дом. На хуторе у нас был большой дом с летней и зимней избой под одной крышей, а также с надворными постройками и баней. Когда разобрали летний дом и перевезли в деревню бревна, началась война с Финляндией. Отца призвали в армию в ноябре 1939 года. Вот тут и начались наши скитания по чужим углам. Мама осталась одна с пятью детьми и бабушкой. Чтобы завершить строительство дома, нужны были деньги, колхоз же мог выделить только лошадь, так как ни тракторов, ни машин тогда не было. Пришлось продать зимнюю избу, в которой мы жили.

В сельских семьях дети рано приобщаются к труду, тем более, если семья большая, а взрослых мало. Я с ранних лет помогала ухаживать за скотом, работать на огороде и нянчиться с младшими.

Война с Финляндией закончилась в марте 1940 года, но отец вернулся лишь в июле. Мы жили уже в своем не совсем достроенном доме. Недолго отцу пришлось пожить со своей семьей. 22 июня началась война, а 23 июня мы провожали папу на фронт.

Провожали не только мы, а большинство семей. В деревне царило оживление, как в пчелином улье. Люди были очень встревожены, бегали из дома в дом, что-то обсуждали. Жены и матери плакали. Появилась лошадь, запряженная в телегу. Из всех домов народ высыпал на улицу. Подвода двинулась вдоль деревни. Мужчины выходили из домов и складывали на телегу котомки, мешки с пришитыми к углам веревками. Женщины плакали, каждая обнимала своего мужа, не желая расставаться с ним. Мы, ребятишки, понурив головы, ходили от одного дома к другому, стараясь держаться своих родителей. Процессия вышла за деревню, женский плач не унимался. Поднялись на один пригорок, потом на второй, женщины голосили все громче, и тогда один из мужчин вскочил на телегу и дернул вожжи. Лошадь прибавила шаг. Вслед за ним и другие мужчины повскакивали на повозку, хлестнули лошадь, и она побежала, увозя мужчин. А женщины еще долго с плачем бежали следом. Дети со слезами цеплялись за матерей, тянули их домой.

Оказалось, что женщины плакали не зря: почти все мужчины из деревни погибли. К счастью, наш отец вернулся и с этой войны живым, хотя неоднократно был ранен. Воевал он на севере сапером. У него были медали «За отвагу», «За оборону советского заполярья» и другие. Война закончилась в мае, а папа вернулся, когда мы учились в школе. Возможно, он участвовал и в войне с Японией. Мы этим тогда не интересовались.

В первое военное лето трудоспособных мужчин в деревне не осталось, и детям пришлось включаться в работу по заготовке кормов и уборке урожая.

Мне исполнилось 8 лет, когда началась война. Третьяковская начальная школа находилась в 3 км от нашей деревни. К школе вела дорога лесом, ее пересекала речка Черноморка. Хуже всего было проходить по двум болотистым местам, мы называли их – грязи, топкое место. Летом это был ручей, а весной полноводная бурно бегущая река. Весенние каникулы подстраивали под разлив реки. Когда река входила в берега, мужчины делали через нее переправу. Взрослые нас иногда провожали до школы, так как в сильный разлив было страшно переходить реку. Была до деревни Третьяково и проезжая дорога, но это было дальше на 1,5-2 км, поэтому мы редко ею пользовались.

В школе было 4 класса, у каждой учительницы по два. У моей учительницы Капитолины Кирилловны 1 и 3. У второй учительницы 2 и 4. В те годы учитель на селе был самым уважаемым человеком. Нас учили не только знаниям по школьной программе, но и культуре поведения, общению, организовывали художественную самодеятельность, к каждому празднику готовили концерт. В деревне не

было даже радио. Фильмы для показа привозили крайне редко, поэтому концерты ждали все. Клуб в такие дни был полон народу, приходили из самых дальних деревень послушать школьный хор, увидеть пьесу, посмотреть на пляски. Активными участниками и руководителями всегда были учителя.

В лесу мы знали все места, где росли ягоды и грибы. Учась в первом классе, я должна была помогать и по дому. Тем более, что 22 сентября 1941 года в нашей семье родилась еще одна сестренка. Маме некогда было сидеть дома, ведь нас уже было шестеро – самая многодетная семья в деревне. Старшей сестре было 11 лет, остальным – 10, 8, 5, 2 и последняя новорожденная. Нужно было не только нянчиться с младшими, но и носить воду, дрова, давать корм скоту. Для нас это было лучше, чем водиться с капризными малышами. Мы понятия не имели, что такое детские ясли, детский сад, пионерский лагерь. Простыней и отдельной кровати никто не имел. Спали в основном на полу, на набитых соломой постельниках. А слова матрас мы и не знали. Уже позже в 1946-1948 учебных годах, когда я училась в Белозерске, увидела, что у моих подруг были не только отдельные кровати, но даже отдельные комнаты.

Мама бралась за любую работу, лишь бы заработать лишний трудодень. Даже после родов ей пришлось выполнять самую тяжелую работу – пахать, это адский труд! Но об этом я узнала уже в зрелом возрасте. Чтобы лошадь шла лучше и больше вспахала, ее нужно было подстегивать, а управляться с плугом и подхлестывать было очень трудно одному человеку, поэтому мама часто брала с собой погонщиками детей. Я ходила впереди лошади и тащила ее за повод, боялась, что лошадь наступит мне на ноги, что маме тяжело управляться с плугом, я и не думала.

Во время войны дети работали наравне со взрослыми. Как только появлялась трава, выгоняли скот. Пасти стадо колхозных овец - была обязанность детей, хотя летние каникулы и не начались. Для крупного рогатого скота нанимали пастуха, но и ему в помощь посылали детей. Самой нелюбимой работой была прополка. Мы пропалывали грядки не только в своем огороде, но и посевы льна, картофеля, корнеплодов в колхозном поле. Вспоминая те детские трудовые годы, я поражаюсь выдержке и терпению детей военных лет. Маленькие, полураздетые, полуголодные, а то и просто голодные безропотно делали все, что поручали взрослые. От прополки и других работ руки и ноги трескались, были в ссадинах. Когда мамы и бабушки промывали их, мы плакали от боли. Мыла и крема не было, поэтому смазывали сметаной или сливками. На сенокосе детям тоже находилось дело. Мы помогали сушить сено, сгребали подсохшую траву в валки, сухую траву складывали в копны. Главная наша работа в этот период была еще и дома. Необходимо было найти траву по кустам, так как в других местах косить запрещалось, нарвать ее, и накормить собственный скот. На пастбище они плохо ели, так как в жару их одолевали оводы и слепни. Коровушка для нас была незаменимой кормилицей, без нее бы не выжить, и хотя молока нам доставалось немного, стаканами не пили даже самые маленькие, все хлебали из общего блюда ложками. А

сметаной или сливками забеливали лишь похлебку, да сваренную на воде кашу. Государству сдавали все: молоко, мясо, яйца, шерсть и другие продукты, а что оставалось семье никого не интересовало. Часто приходилось есть кашу-заваруху, которая готовилась из ржаной муки, заваренной кипятком. Эту кашу иногда забеливали молоком. Мама старалась накормить нас, а что ела сама, и когда, никто из нас не видел. Хорошей помощницей ей была бабушка, она нянчилась с младшими, была с нами на всех хозяйственных работах.

Заканчивался сенокос, поспевал лен. Его нужно было убрать с поля, расстелить под августовские росы. Со льном много работы: прополка, теребление, расстилка и т.д.

Хлеба жали вручную серпами. Рожь детям жать не разрешали, у нее слишком длинные стебли, и мы могли не справиться, а вот жать ячмень, пшеницу и овес разрешали. Конечно, случалось, что обрезали пальцы.

В годы войны колхозы много зерна сдавали в госпоставки, и на трудодни оставалось очень мало. Все шло на еду, чистого хлеба не было, использовали всевозможные примеси, но до нового зерна все равно не дотягивали. В сельской местности карточек на хлеб не было, да и денег в колхозах не платили, жили тем, что давали на трудодни да выращенным в своем хозяйстве. Бедствовали даже те, у кого было 2 или 3 ребенка, а у нас целая орава.

Активными помощниками мы были на уборке картофеля и корнеплодов. После школы бежали в поле не только для того, чтобы заработать лишний трудодень, мы знали, что будет костер, и нас накормят печеной картошкой. Чумазые, усталые мы приходили домой. Домашнее задание в этот день можно было не делать, так как учителя знали о нашей работе в поле.

Деревня находилась в лесу, но запаса дров ни у кого не было. Старший брат приносил из леса по одной, две толстых деревины и дома разрубал их на поленья, иногда и мы ему помогали, а когда заканчивались уборочные работы, привозили на лошади к дому воз дров, нарубленных мамой и братом. По насту уходили в лес с санками, чтобы заготовить сухостойных деревьев.

Несмотря на все трудности и сложности жизни, мы находили время для общения между собой. Летом купались в реке, играли в лапту, городки, ходили за грибами и ягодами, занимались сбором съедобных растений.

Сельские жители были обложены большими налогами. С каждым годом трудодень становился скуднее, едоков же прибавлялось, и возникала необходимость использовать различные добавки. Первым съедобным растением был хвощ, затем щавель, крапива, дягель. Из дягеля делали запеканку как из макарон. Использовали цветы клевера, а отходы от льносемян, полученные при выработке льняного масла - колоб, жмых или дуранда были самым лучшим деликатесом. Зимой засохшие стебли дягеля подсушивали, толкли в ступе и добавляли в тесто. А какие вкусные оладьи были из перемерзшей картошки, которую выкапывали из земли весной! Мальчишки, что постарше, ставили в лесу силки на зайцев и куропаток. Моему старше-

му брату тоже попался зайчик. Это был для нас настоящий праздник, делали жаркое с картошкой и варили мясной суп. Не только с едой, но и с одеждой и обувью было очень плохо. Многие ребята босиком ходили в школу, были у нас такие мальчишки, которые и в заморозки ходили босыми. В такие дни перебирались перебежками. Бегут, пока ноги совсем не замерзнут, а уж как невмоготу становится, бросают на землю кепку или сумку, отогревают ноги и снова бегут дальше.

Мы всегда были одеты и обуты, в школе выглядели лучше других, наша мама сама все шила, перелицовывала, комбинировала, перешивала свою одежду, а сама всю войну ходила в бушлате, привезенном папой с финской войны. Кроме работы на полях и фермах колхоза мама работала еще в катавальне. Была у нас в деревне такая изба, где изготовляли валенки. И мама, как потомственный катавал, выполняла основные операции. Нас тоже привлекали к работе по раздергиванию и расчесыванию шерсти.

В ведении нашей семьи был колхозный курятник. В наши обязанности входило топить печь в курятнике, поить и кормить кур. Приходили из школы, выполняли домашнее задание и бежали на улицу, чтобы покататься на санках и на лыжах, построить дворец в снежных сугробах. Прыгали с сараев в сугробы. От снега одежда намокала и в морозы стояла колом. Дома украдкой раздевались и пристраивали одежду куда-нибудь подсушить.

В начале войны в районе бывшей Вогненской переправы через реку Шексну строили заграждения, копали окопы. Выполняли эти работы раскон-воированные заключенные и местная молодежь. На жилье этих людей размещали по домам в ближайших деревнях. К нам в деревню были направлены постояльцы. В наш дом поселили шестерых мужчин. Они нам не мешали. Утром рано уходили на работу, вечером поздно возвращались. Обувь у них была плохая, некоторые были в лаптях. Поэтому мы их называли «лапотошники». Очень нас забавляло, как они делили хлеб: буханки-кирпичики раз-

резали на пайки, один отворачивался, другой показывал на пайку и спрашивал: «Кому?» Ответ: «Петроу». Это больше всего смешило нас. Спали в кухне прямо на полу, подложив охапки соломы. Утром бабушка грела для них самовар, они пили чай с хлебом, принесенным с собой. Жили мужчины недели 2-3, потом вместо них нам поселили белозерскую молодежь (пять девчат). Для них в колхозе дали соломы, чтобы набить матрас. Солому тоже выдавали на заработанные трудодни, просто так давать не разрешалось.

До войны в деревнях хлеб пекли сами. Круглые большие караваи с хрустящей корочкой были очень ароматные. Но во время войны хлеб был совсем другой. В него добавляли высушенные и истолченные в ступе очистки от картошки, брюкву, турнепс и разные съедобные травы. На завтрак варился чугун картошки, которую ели с капустой.

В школу ходили на целый день, часто без завтрака. Но с собой хоть что-то брали. Если вечером не оставалось хлеба, то мама вставала очень рано и пекла так называемые «опекиши».

В первые годы войны было не очень трудно с питанием. Не было большого налога, оставались кое-какие запасы от прошлых лет. До войны колхоз был успешный, получал хорошие урожаи и трудодень был полновесным. На трудодень давали зерно, солому, сено, дрова, овощи, льняное масло.

Наступила весна 1945 года. Все было, как всегда. Школьники ушли в школу, взрослые - на работу. Только начались уроки, как нам сообщили о победе. В дальних деревнях, с которыми не было связи кроме вестовых и посыльных, все новости узнавали последними. Первыми о победе узнали школьники. Занятия в школе были отменены. В нашу деревню был направлен представитель от сельсовета, но о победе там уже знали раньше от школьников из Тимонинской семилетней школы. Женщины были заняты на посевной. К ним первыми прибежали ребята, среди них были мои старшая сестра и брат. Надо было видеть, что началось в деревне. Сбежались и стар и млад. Плакали все, кто от горя за погибших, кто от радости, что их родные выжили. Мама сложила частушку:

«*Вот и кончилась война,*
победу объявили,
потеряевские бабы
до неба подскочили».

По случаю победы в д.Третьяково, где находилась школа и сельский Совет, прошел митинг и большой праздничный концерт.

Как бы не были сложны, трудны и беспокойны годы детства в период войны, но все же детство – это незабываемое, светлое время. Пусть недоедали, не видели сладостей и прочих деликатесов, были скудно одеты, донашивали одежонку старших, но все равно детство вспоминается с радостью. Ведь мы не были обременены постоянными житейскими заботами, это перенесли взрослые – наши мамы, бабушки. Мы же выполняли их распоряжения и указания. Спасибо и низкий поклон нашим наставникам, учителям по жизни: мамам, бабушкам, педагогам, старшим односельчанам за их терпение, за поистине неземное мужество, за добропорядочность и выносливость.

Все годы войны сельские дети работали безотказно. И очень обидно, что труд детей 1932-1936 годов рождения не был учтен. Колхозных книжек на нас не заводили, лицевых счетов не открывали, все наши работы вписывали в книжки родителей. Поэтому дети, добросовестно работавшие в годы войны, не стали ветеранами.

КУЗИН
Вячеслав Николаевич

ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО

Когда мне было два года, началась Великая Отечественная война. Моя мамочка, которая прожила 93 года, рассказывала, что отец называл меня Славушкой и, приходя с работы на обед, брал в руки гармошку, на которой прекрасно играл, и просил меня поплясать. Отец всегда радовался, проводя со мной короткое свободное время. Очень хотелось ему иметь сына, а я был в семье четвертым ребенком, старшие трое - дочери.

Жили счастливо. Отец работал, мать хлопотала по дому. Все было бы хорошо, если бы не беда, которая свалилась на плечи. Все стало не так, как прежде: началась война.

В конце июня 1941 года отец уходил на эту проклятую бойню вместе с друзьями и при этом говорил маме, что война ненадолго, мы победим, и чтоб она берегла себя, сыночка и дочерей. Ушел и не вернулся. Мама и другие женщины сразу определились с работой. Чтобы выжить и сохранить детей, маме пришлось заниматься любой работой: в подсобном хозяйстве, фабричной столовой и даже на погрузо-разгрузочных работах фабричной переправы. Поражаюсь, как она могла все это вынести, ведь кроме работы, на плечах семья из шести человек. Не остались в стороне от проблемы выживания и дети. В летнюю пору собирали грибы и ягоды, ловили рыбу, запасали молодую

крапиву, лебеду, клевер и другие травы. А по весне с разрешения хозяина подсобного хозяйства копали оставшуюся в земле мороженую картошку. Мама делала лепешки из гнилой картошки, которые тогда казались очень вкусными. Крахмал шел на кисель с клюквой и брусникой.

Шло время. Говорили, что война будет недолгой, Красная Армия разобьет фашистов, а отцы, деды и братья вернутся с победой домой. Но этого не случилось, война все продолжалась. С начала войны сводки с фронтов были самые печальные. От отца, как всегда с опозданием, приходили фронтовые «треугольники», написанные химическим карандашом в окопных условиях. Ни в одном из них не было пессимистической нотки. Наоборот, отец писал, что победа будет за нами. Не пришел отец с фронта, не испытал вкуса победы. В 1942 году мама получила «черную весточку» о гибели отца. С этого момента началось героическое выживание семьи. Мама получала небольшое пособие на детей за погибшего отца. Меня, самого маленького в семье, определили в детский сад на шесть дней в неделю со скромными завтраками и обедами. До сих пор вижу печальные глаза врача Марии Дмитриевны, повара тети Маруси, воспитателя и нянечки. Современным детям не понять радости кусочку сахара, хлебушка, дуранды (жмых от приготовления растительного масла). Никогда не забыть материнских слез. Когда мамочка работала в фабричной столовой, мы с сестренкой пришли с надеждой, что она нас чем-нибудь покормит. Но этого не случилось, потому что надо было кормить пленных фашистов, которые тогда работали на торфоразработках. Единственный раз она положила в мои штанишки половинку свеклы. «Стукачи» доложили. И, если бы не погибший отец и большая семья, неизвестно, чем бы это закончилось. Вспоминаю и другие истории военной поры. Каждое лето, как только подрастала морковь, репа и другие овощи в подсобном хозяйстве, мы пытались украсть что-либо и, если это удавалось, были по-детски сыты и счастливы.

Запомнился день великой Победы. Мама пекла пироги из ржаной муки и булочки с маком. Была куплена бутылка водки под сургучем, поставлен самовар, морковно-свекольная заварка и слезы потоком. Плакала мама, что не вернулся любимый муж, плакали дети, что остались сиротами, плакали от счастья, что закончилась война, и пришла желанная победа. Мы бежали из садика по улицам поселка и громко кричали: «Гитлер капут».

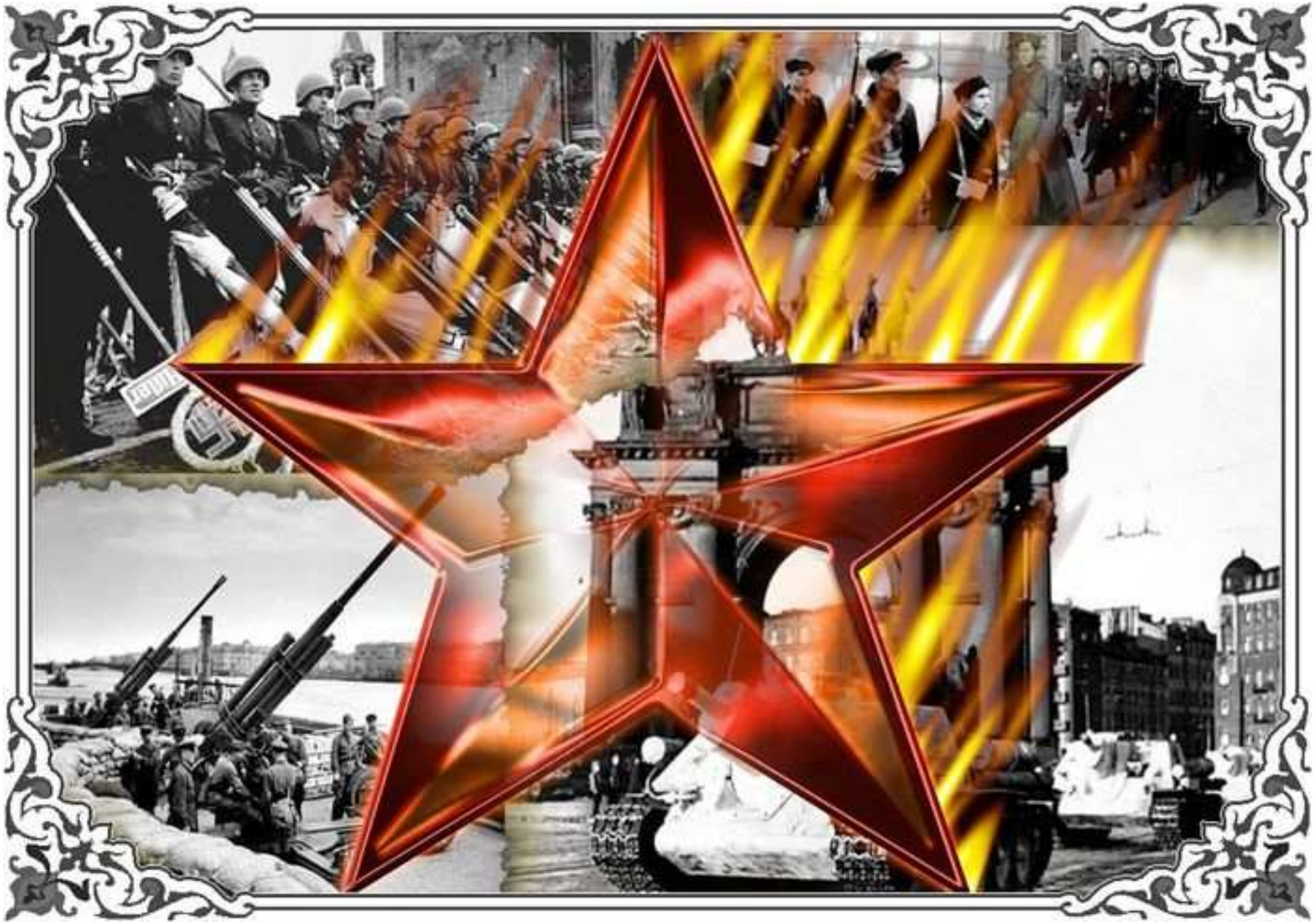
Сразу после войны я пошел в школу. Пришло время вступления в октябрята. Нас построили в общем зале, где мы хором повторяли: «Мы веселые ребята, наше имя октябрята, мы не любим лишних слов, будь готов – всегда готов». Первый маленький значок был у нас на груди. Позже были и другие значки: пионерский, БГТО, ГТО, комсомольский. Большое внимание обращали на спорт. Школьный учитель Шангин И.А. с увлечением занимался с ослабленными войной ребятишками борьбой, лыжами, плаваньем, спортивной гимнастикой, футболом, волейболом и гиревым спортом. Одним словом, жили не тужили, хотя в материаль-

ном отношении было очень трудно. Чтобы помочь маме, летние каникулы превращались в трудовой семестр. Копейки и рубли, заработанные физическим трудом на сборе металлолома, сплавных работах, превращались в часы, брюки и даже праздничный костюм. В таком костюме при отцовском галстуке я выглядел пижоном на выпускном вечере.

После окончания средней школы перед армией пришлось поработать грузчиком, чтобы подготовиться к службе в армии и набраться сил. Тогда было престижно отслужить на флоте, границе, в бронетанковых войсках. Но для меня судьбою были предначертаны воздушно-десантные войска, о которых я и мои друзья не ведали и не гадали. Узнали, что это за войска, когда оказались в учебной роте младшего командного состава в г.Костроме. За период трехлетней службы совершил 19 прыжков с парашютом. Далее - учеба в Ленинградском инженерно-строительном институте с постоянной работой летом на целинных землях Казахстана или строительстве мостов под Ленинградом. В 1967 году защитил диплом и добровольно уехал на работу в район Крайнего Севера. С 1972 по 1976 г. работал на стройках Камского автомобильного завода в г.Набережные Челны. С 1976 по 1982 год – на стройках г.Череповца, а с 1982 года по сей день - в г.Вологде.

Обобщая трудовую биографию до выхода на пенсию, могу сказать, что в хозяйственной деятельности прошел путь от мастера до директора завода, в инженерной деятельности – от инженера до главного технолога строительного треста, в строительной деятельности – от прораба до заместителя управляющего трестом. Десять лет работал в администрации Вологодской области. Воспитал троих детей, имею четырех внуков, старший внук учится в строительном колледже, двое – в школе, младший ходит в детский сад.

Вячеслав Николаевич
современное фото



КУШНЕРЁВ
Александр Васильевич

ЭПИЗОДЫ ВОСПОМИНАНИЙ 1941-1945 ГОДЫ

До начала Великой Отечественной войны наша семья состояла из 7 человек: отец, мать, брат Михаил – 16 лет, сестра Мария – 10,5 лет, брат Александр – 8,5 лет, сестра Анна – 6 лет и брат Николай – 6 месяцев. Мы проживали в д.Яковлево Дорогобужского района Смоленской области.

В июле 1941 года отца призвали в армию для защиты Родины. В августе 1941 года немецкая авиация атаковала в нашем поселке военные колонны, которые двигались на Ельню. Это была страшная, ужасная бомбежка с большими потерями наших военных. В этом же месяце наш районный город Дорогобуж подвергся жестокой бомбежке. Три дня немецкая авиация его разрушала, три дня горело все, что могло гореть. Уничтожен мост через Днепр, склады с горючим, важнейшие стратегические и культурные объекты. Город, построенный в царствование Екатерины II, почти полностью был разрушен.

В июле-августе 1941 года от районного центра Дорогобужа бесчисленное количество людей (ополченцев) копали противотанковые рвы большой протяженности, возводили окопы для артил-

лерийских автомашин, дзоты и другие сооружения. Рядом с противотанковыми рвами ставились мины. Так продолжалось все лето. Ожидали наступления немцев со стороны г.Смоленска.

Однажды пастух пас стадо коров недалеко от минного поля. Несколько коров зашли на это поле, и их трудно было оттуда выгнать. Наша корова наступила на одну из мин и, как рассказывали, ее приподняло взрывом, и она упала в образовавшуюся большую воронку. Руководитель от военкомата предложил маме выбрать корову в общественном стаде. Мама привела рыжую корову с белой звездочкой. Ее звали Бомбеса. Она оказалась нашей спасительницей в голодные годы и помощницей в сельскохозяйственных работах вплоть до 1947 года.

В августе – сентябре 1941 года в 30 км от нашей деревни шли ожесточенные бои под г.Ельней.

Мы слышали гром артиллерийской кононады. Город Ельня переходил из «рук в руки». Потом шли дни, когда наши войска отступали в направлении г.Вязьмы. Двигались в основном по ночам. Это были колонны техники, артиллерии и прочее. Наступление немцев шло по направлению г.Вязьмы, то есть на Москву. Их движение усиленно поддерживалось авиацией. Чтобы спрятаться от пуль и снарядов в период наступления немцев, взрослые сооружали блиндажи. Захватив д.Яковлево, немцы всех, прятавшихся в окопах и землянках, в том числе и детей, согнали в глубокую балку. Здесь всех сортировали по их усмотрению. Пустые окопы простреливали из автоматов. В этом глубоком овраге толпу сельчан фотографировали, что-то говорили на своем языке и некоторых отпускали.

Мать КУШНЕРЁВА Акулина Федосеевна

Осенью 1941 года была сырая холодная погода. Мать послала меня и старшего брата Михаила (16 лет) привезти соломы. Это было в одном километре от деревни. Когда мы подъехали к скирде, то я увидел множество убитых наших солдат.

Они лежали в разных местах, и в разных позах. Это было ужасное зрелище. Видимо, вражеская авиация неожиданно налетела на колонну, солдаты стали

прятаться в скирдах соломы, и немецкие самолеты расстреляли их в упор. Я впервые в жизни увидел так много убитых людей. Это было очень страшно.

Как прошел бой по захвату нашей деревни, не помню, но по колхозным полям лежали убитые и немцы, и наши солдаты. Когда все успокоилось, мы, мальчишки, побежали искать оружие: патроны, гранаты, противотанковые мины и прочее. Мы искали пистолеты и патроны к ним. У каждого из нас были напрятаны в подполье винтовки и патроны. Помню, искали немецкие карабины. Много валялось немецких гранат «толкушек».

Наступала зима, все покрылось снегом. Взрослым ребятам через старост и полицейских было объявлено явиться на пункты, так как их хотели отправить в Германию.

Осевшие в деревне раненые, убежавшие пленные, взрослые мужчины, непризванные в армию, стали прятаться в лесу. Начал создаваться партизанский отряд. Мой брат Михаил тоже ушел в лес к партизанам. В снежную пургу в ночное время приходили в деревню. Взрослые знали об этом и заранее пекли хлеб и готовили курево. В то время в деревнях сеяли табак. И мы, дети, что-то мелко резали по заданию взрослых (наверное махорку). Партизанам нужно было оружие. Старшему из отряда, что был с братом Михаилом, я передал спрятанную винтовку и патроны и показал два места, где под снегом валялись винтовки со сломанными прикладами: немцы советские винтовки не брали, а ударяли о землю и ломали приклады. Взрослые нам сказали, чтобы мы вспомнили, где валялось оружие и показали эти места. Мы раскапывали снег и находили. Утром рано мы изредка видели полицейского или старосту под окнами, они смотрели есть ли следы, ходят ли к нам партизаны. Они и сами боялись их. Но с тех пор мне не нравятся слова: староста и полицейский.

В один из зимних дней 1942 года группа немецких солдат расположилась на ночлег в нашем доме. Мы все забрались на русскую печку. Немцы взяли несколько кур из нашего курятника и приказали матери приготовить их на ужин. В этот вечер они долго ели, пили, хохотали и играли на губных гармошках. Утром один из немцев из святого угла снял икону высокого художественного исполнения в окладе с позолоченной или серебряной фольгой и матери жестами показал, что он ее берет себе. Мы все видели, как он положил икону в свой мешок, но никто не вымолвил ни слова, все боялись. Он ведь был с автоматом.

Отец наш – в Красной армии, брат - в партизанах, поэтому наша семья подлежала расстрелу, мы это понимали и переехали в соседнюю деревню Языково.

Весна – лето 1942 года. Три сестры со своими семьями, в том числе и мы, скрывались в лесах д.Губино, это более 20 км от дома. Есть было нечего, кто что даст. Местные жители помогали беженцам чем могли. Во рву взрослые выкопали землянки, днем мы там прятались, а к вечеру приходили в деревенские дома. Прошел слух, что за 10 км есть пункт, где немцы ведут забой скота и все негодное к переработке выбрасывают. И мы вместе со взрослыми пошли туда, чтобы хоть что-то подоб-рать для еды. Это кишки, го-ловы, уши, хвосты и другие отходы. Вокруг пункта забоя скапли-валось много народу. Если что-то выбрасывалось, то люди налетали гурьбой и быстро все растаскивали, вырывая друг у друга. Чтобы люди не лезли близко к пункту и не мешали работать, стояли немцы охранники с палками и били людей. В один из моментов, когда я стоял близко, немец неожиданно взмахнул дубиной, и я едва успел пригнуться и юркнуть за угол, дубина ударилась об угол с такой силой, что треснула. Я чудом остался жив. Мать и сестры видели это, но ничем не смогли помочь. После этого мы редко ходили на этот пункт – бойню, так как здесь немцы тоже могли убить или покалечить.

Кушнерёв Александр
в ремесленном училище № 14
г. Кунцево 1949 год

Мои две тети и мать регулярно наведывались в свою деревню, приглядывая за своими домами. В нашей деревне Яковлево многие имели фамилии Панины, Морковниковы, Кушнерёвы. И вот летом 1942 года немцы изловили и взяли в плен при выполнении боевой операции партизана Кушнерева Юрия. Ему было 17 лет. Немцы решили расстрелять его на виду у всех. Собрали сельчан в центре села. На глазах всех сельчан и матери Юрий был убит как партизан. Мы, дети, наблюдали эту картину издалека. Мать и его родственники ежегодно приезжали на могилу Юрия. И в настоящее время это место на берегу большого оврага поддерживается в хорошем состоянии. За могилой ухаживают сельчане, делают посадки, и новое поколение помнит, за что погибли их отцы и братья. Вечная им память!

Осенью 1942 года разрастающийся партизанский отряд имел связь с ближайшими деревнями. Население обеспечивало их хлебом и другими продуктами, а также информацией. Были

связные. Яковлева Полина, жена офицера, оказывала помощь отряду как связная. Две или три семьи, в том числе и наша, жили в бане на окраине деревни Языково. В позднее время здесь проходили встречи с партизанами. В одну из осенних ночей состоялась встреча с командиром отряда. Немцы выследили их и плотно окружили баню. Командир выскочил и нырнул в водоем речки около бани. Его тщательно искали немцы с фонарями, но он ушел. Яковлева же побежала по другую сторону бани, но там была засада. Пулеметчик короткой очередью расстрелял ее. Днем мы подходили к ее телу, смотрели. Немцы разрешали. Наверное, этим запугивали сельчан, чтобы не помогали партизанам. У Яковлевой Полины осталось двое детей: сын и дочь, наши ровесники. Дом их сожгли. В нашей деревне Яковлево за 1941-1943 годы сожжены все общественные постройки и треть жилых домов. Мало кто знает, сколько могил известных и неизвестных в нашей деревне, сколько горя, голода и холода хлебнули наши отцы и матери - одному Богу известно.

В зиму с 1942 по 1943 год партизанский отряд занял деревню Яковлево, взорвал склад с боеприпасами под городом Дорогобужем и дал бой немцам возле деревни Березовка. Партизаны стремились перерезать железную дорогу у г.Сафоново. Немцы активизировали боевые действия и стали вытеснять партизан из леса. Нашу деревню атаковала немецкая авиация. Самолеты заходили и вдоль улицы расстреливали наши дома на низкой высоте. От рева немецких самолетов нам было страшно, но мы не знали, куда спрятаться. Однажды во время налета я стоял в проеме дверей, и очередь крупнокалиберных пуль прошла от меня в нескольких сантиметрах. Я чудом остался жив. В деревне загорелись дома, но огонь удалось погасить.

Семейное фото, зима 1944 года
Кушнерёв А.В. – крайний справа

Летом 1942 года многие жители нашей деревни и соседних договорились создать обоз и доставить партизанам продукты и необходимые вещи, а заодно повстречаться с мужьями и сыновьями. В этом обозе был и я. Мать взяла меня, чтобы управлять повозкой. Какие это были глухие леса!

Ясно, что тут немцев нет. К партизанам на их заставу мы прибыли на восходе солнца. Мы вошли в сарай-сеновал, где спали партизаны. Тут был и мой брат Михаил. Я смутно помню его лицо. Помню, как мать обняла его и долго целовала и плакала, будто прощалась навсегда. Мы уехали благополучно и тайно прибыли в деревню, так что никто и не заметил, что мы были у партизан. Была ли какая связь в дальнейшем с этим отрядом, я не знаю. Но мы до 1944 года надеялись, что Михаил жив. После освобождения в 1944 году зимой заехал к нам командир отряда, где служил брат, и рассказал матери, Акулине Федосеевне, как погиб ее сын Михаил. Слезы мамы я помню до сих пор.

Немцы эпизодически проводили в деревне обыски – искали партизан, отставших наших солдат, военных, бежавших военнопленных, раненых, которые излечивались в деревенских семьях и лиц по доносу. В январские дни 1943 года в одном из домов на нашей улице на чердаке дома они обнаружили молодого солдата. Его вывели зимой на улицу и поставили у телеграфного столба. Один из немцев, видимо, получил приказ его расстрелять. Пленный просил о пощаде, что-то объяснял. Но прогремел выстрел, потом второй … Убитый и на второй лежал на снегу. Потом взрослые здесь же вырыли могилу и похоронили его. Только после окончания войны все погибшие из окрестных деревень были погребены в братской могиле на высоком валу районного центра в г.Дорогобуже. Вечная им память.

Летом 1943 года началось наступление Красной Армии. Немцы отступали. Слышна артиллерийская кононада. Скрываясь в оврагах, взрослые выжидали, когда уйдут немцы. Но они тоже уходили, скрываясь по оврагам. Мать спрятала корову в заброшенный сарай, привязала. Меня послала посмотреть, цела ли наша корова. Я поднялся на поле, смотрю, а корова наша траву пощипывает. Вдруг вдали разорвался снаряд. Я мигом скатился вниз. Больше не выходил. Наступила ночь. Слышится немецкая речь. Потом тишина, к утру услышали голоса своих солдат. Радость, слезы, мы освобождены. Это был сентябрь 1943 года. Корову Бомбесу нашли и двинулись в свою родную деревню. Но в деревне нас ждала плохая весть. Немцы взорвали школу при отступлении и рядом сгорели четыре дома, в том числе и наш. Все, что спрятали родители, закопав в землю свое богатство, кто-то выкрал, и мы опять остались ни с чем, но с коровой. После пропуска двух лет учебы я пошел в школу, хотя не было ни учебников, ни других принадлежностей, писали на обратной стороне военных листовок.

Самое трудное было пережить зиму с 1943 на 1944 год. Посевов не было. Шла война, и все работали для фронта.

Весной все взрослые дети копали лопатами жнивье для посевов. В колхозе на каждую семью

ежедневно отмеряли сотку земли, которую надо было вскопать к вечеру. Старшая сестра Мария, я и мать копали с утра до вечера, чтобы выполнить семейную норму. Вот так шло наше детство в ту пору. А на домашних огородах мать и две её сестры объединились, и мы все в упряжке таскали плуг, борону при посадке картофеля. В нашей семье каждый делал свою работу: убирались в доме, носили дрова, воду, работали на огороде, ходили в лес за грибами, ягодами и одновременно учились.

Однажды летом всей семьей ходили в церковь за 7 км в д.Ректы. День был солнечный и жаркий. Мама легла отдохнуть, а сестра Аня пошла за водой на колодец. За ней увязался 4-х летний брат Коля. Вдруг прибежала взволнованная Аня, и плача, сообщила, что Коля упал в колодец. Колодец был оборудован крутящимся деревянным барабаном с ручкой, металлическим тросом и ведром. Прыгая у сруба, брат решил посмотреть внутрь колодца и сорвался. Колодец был очень глубокий – 32 метра. Мама с криками «Помогите!» бросилась бежать к колодцу и, услышав плач сына, стала кричать ему: «Держись, сынок, за трос, мы сейчас тебя вытащим».

Сбежались все, кто был поблизости. Коля держался за трос. Меня привязали к веревке и спустили вниз. Во время спуска я успокаивал брата. Сразу отцепить от троса мне его не удалось, я отсоединял его ручки по пальчикам. Наконец, он ухватился за меня, и я усадил его себе на колени. Сам я сидел на палке, привязанной к веревке. Во время подъема Коля крепко держался за меня. Когда нас подняли наверх, все кинулись к брату. Он дрожал от страха и холода. У него обнаружили 2 раны, на боку и голове. На меня никто не обращал внимания. А мне было жалко новой белой рубашки и штанов, которые я испачкал в колодце. Брата согрели в бане, напоили чаем с медом и уложили спать. На следующий день Коля побежал играть со своими сверстниками как ни в чем не бывало. Соседки говорили маме, что это чудо, так как все кончилось благополучно.

Спустя годы, отслужив в армии, брат Николай приехал в г.Череповец и более 30 лет работал подручным сталевара, а затем бригадиром в мартеновском цехе Череповецкого металлургического завода.

Как-то в зимние месяцы 1944 года мама попросила меня починить сестренкам валенки. Я начал постепенно осваивать эту профессию. Не было инструмента, больших иголок, и я научился их делать из медной проволоки. Ремонтировал обувь, пока не демобилизовался контуженый отец. А умение работать с металлом позже определило мою специальность: я стал токарем по металлу, а затем - инженером-металлургом.

С возвращением отца в мае 1945 года жить стало легче. Отец приспособил корову таскать плуг и боронить пашню, перевозить тяжести. Спасибо ей, кормилице и нашей спасительнице, но Бомбеса через год не стала телиться. Шло время, и в колхоз стали поставлять лошадей, сбрую, повозки, семена и кое-что из техники. Мы начали учиться. Работали на лошадях поводырями, на сушке сена и других работах, не считая работы на домашних огородах. Этим питались и жили. Трудно было одеться, питаться, но надо было ходить в школу. Нужны были учебники, тетради. Закончилась война. Сколько пережили на-

ши родители и мы, дети! Наступал послевоенный период, а вместе с ним и новые проблемы.

Очередная шихтовка мартеновской плавки, 1971 год

Пережили самый голодный 1947 год. А в 1948 году родственница и родители определили меня в Кунцевское двухгодичное ремесленное училище №14 Московской области Министерства трудовых резервов, где я получил специальность токаря-универсала по металлу и закончил 8 класс вечерней школы рабочей молодежи. Позже получил среднее образование и поступил в институт. Это произошло в 1956 году.

ЭПИЛОГ

Для достижения своих целей мне предстояло преодолеть много препятствий. После окончания ремесленного училища в 1950 году я был направлен в г.Вологду в распоряжение треста «Вологдабумлес». Свой трудовой стаж начал в Уфтюгском, а затем в Сямженском леспромхозах в качестве токаря по металлу. В 1951 году поступил в Люблинский индустриальный техникум Московской области и в этом же году был призван в армию и направлен служить на Тихоокеанский флот. Я получил воинскую специальность на острове Русский и был отправлен служить на крейсер «Калинин», потом на эсминец «Вдумчивый». В начале и конце своей пятилетней службы по охране морских рубежей нашей Родины мне повезло: в вечерней школе для офицерского состава я сдал экзамены за 9, а затем и за десятый классы. Это позволило мне поступить в 1956 году в Московский институт стали. Я был счастлив, что моя мечта сбылась. Мне дали общежитие и стипендию 380 рублей. После окончания института получил специальность инженера-металлурга. Обстоятельства сложились так, что через 10 лет в 1961 году мне вновь было суждено вернуться в Вологодскую область на Череповецкий металлургический комбинат, где мне пришлось освоить все секреты производства стали. В мартеновском цехе я проработал 12 лет. За этот период как мастер-технолог совместно с коллективом подручных и сталеваров выплавлено более 500 тысяч тонн качественной стали.

ЛОШАКОВА
Маргарита Александровна

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННЫХ ГОДАХ

Мои первые воспоминия о военных годах относятся к 1944-1945 годам. Жили мы в то время в деревне Яхренга Кадниковского сельсовета Вожегодского района. Сюда после тяжелого ранения был направлен на службу мой отец. Жили в доме барачного типа. В одной половине была комендатура, в другой жила наша семья.

В памяти один из зимних дней, за окном еще темно, а мы с братом Володей сидим за столом перед русской печкой. Мама печет блины на двух сковородках сразу, только успевает снимать: мы уплетаем их за обе щеки, макая в масло или заворачивая с черникой. Сколько себя помню, пока не уехали обратно в Вологду, у нас на дворе всегда стояла корова и были куры. Не помню, чтобы мы общались с другими детьми. Когда мама была занята, за нами приглядывала няня из высланных с Западной Украины. Позднее мы долго разговаривали, мешая русскую речь с украинской, а украинские песни так и остались любимыми на всю жизнь.

В одну из зим сильно заболела. Помню, как лежала в сильном жару и тянулась рукой до надутого бычьего пузыря, но так и не дотянулась: не было сил. Других игрушек, кроме камешков, стеклышек, кем–то сшитых кукол, не было.

Напротив комендатуры стояла церковь. Хорошо помню лето. Яркий солнечный день, вереница подвод с мешками, привезли зерно и разгружают его на склад. А потом приезжает пыльная полуторка, в нее грузят мешки, и зерно увозят.

На дверях церкви – большой плакат: «Все для фронта, все для победы».

Рите 2 года,
декабрь 1942 года

К отцу часто приезжал председатель колхоза Гонтарь П.М., они долго сидели в кабинете, а потом мать стрекотала на аппарате «Бодо» - она была телеграфисткой при комендатуре. Для нас, детей, приезд дяди Гонтаря был праздником. Он обязательно катал нас верхом на лошади. В конце 1945 года отца перевели на другое место службы – поселок Приводино на железнодорожной станции, на юге Архангельской области. Началась новая жизнь.

Отец и мать в рабочем кабинете,
лето 1943 года

МАСЛЕННИКОВ
Геннадий Александрович

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

До войны мы жили в Архангельске в офицерском общежитии в военном городке. Дом был большой с широким коридором, в котором мы устраивали шумные игры с детьми из соседних квартир. Потом что-то изменилось в нашей жизни. Наши отцы куда-то срочно уехали. Мы услышали новые слова: война, фронт. В какой-то момент на стеклах окон появились крестообразные полосы из бумаги, а вечерами окна завешивались черными занавесками. Но самым ярким воспоминанием о войне был черный круг репродуктора, висящего на стене, его громкий голос: «Граждане! Воздушная тревога…», - поднимал нас среди ночи. Мама заставляла нас быстро одеваться, выводила в коридор, который моментально заполнялся другими жильцами. У мамы на руках была совсем маленькая сестренка, родившаяся за два дня до начала войны. Старшая сестра, брат и я цеплялись за мамину юбку, чтобы не потеряться в кромешной темноте, бежали в бомбоубежище. Мать рассказывала, что однажды жильцы дома решили скрываться от бомбежки в подъезде, чтобы не подвергать опасности детей при переходе в бомбоубежище, а если погибать, то всем вместе.

В нашем военном городке располагалась зенитная батарея, поэтому наш район бомбили особенно ожесточенно. После окончания налетов мы с ребятами собирали осколки зенитных снарядов, забирались на чердак дома, где были бочки с водой и песком, большие железные клещи. Ребята объяснили, что это средства для тушения пожара и борьбы с зажигательными бомбами.

Запомнилась также жуткая картина, когда после бомбежки приехали военные машины, и за оградой нашего городка солдаты доставали из машины останки человеческих тел, сбрасывали в глубокую яму и закапывали. После одной из бомбежек меня и брата направили в лагерь отдыха, расположенный в сосновом бору на берегу большой реки, по всей вероятности, Северной Двины, так как однажды мы видели проходящую подводную лодку. В лагере мы пробыли недолго. Когда был очередной налет, воспитатели отвели нас в церковь, где мы лежали на каменном полу, укрываясь одним пальтишком на двоих, слушая как содрогается земля, от взрывов бомб. Только утром нас вернули в лагерь. После этой бомбежки нас отвезли домой. Здесь мы узнали, что нас эвакуируют, и мы едем к бабушке в деревню. Уже позже мы узнали от матери, что решение о срочной эвакуации было принято на второй день после бомбежки, когда со стороны Мурманска прорвалось более 200 самолетов. Наш дом сильно пострадал. На сборы был дан один день. Это была последняя бомбежка Архангельска.

Мы с братом видели военные эшелоны с самолетами, танками, пушками на железнодорожном вокзале.

На речной вокзал мы шли пешком, а какой-то мужчина на ручной тележке вез наши вещи – все, что нам разрешили взять с собой. На пароходе мне и брату не сиделось в переполненном трюме, все время мы проводили на палубе, благо, день был теплый и солнечный. Играя, мы разложили свои трофеи (осколки) на палубе. Подошел капитан и все отобрал, до сих пор не пойму, зачем он это сделал. Приехали в д.Минчаково Кирилловского района и стали жить у бабушки. Дедушка умер незадолго до нашего приезда. Три его сына были на фронте. Изба была большая и теплая, с двумя печками: русской и столбянкой. У дома - двор для скота и хранения сена.

Нам понравилось жить в деревне, но сначала надо было научиться понимать слова, которыми пользовались в деревне: лавка, квашня, кринка, горшок, решето, шесток, заслонка, полати, ухват, помело и т.д. – названия предметов, которые были в обиходе. В деревне оказалось много ребят как местных, так и эвакуированных из Ленинграда, Петрозаводска, Архангельска. Первое время возникали трудности со сверстниками, особенно деревенскими. Вскоре этот барьер был преодолен, и у нас появились друзья. Так как взрослые целыми днями находились на работе, мы были предоставлены самим себе. А школьники помогали взрослым летом в поле пасти скот. Правда, и нас порой привлекали к посильному труду – прополке сорняков, поливу капусты и других овощей. Во время сенокоса мы вывозили с лугов сено и набивали им сеновалы. Так как в деревне мужчин почти не было, нам дозволяли управлять лошадьми. Нагрузят женщины телегу с сеном, посадят сверху, дадут в руки вожжи и говорят: «Поезжай, сынок». Для нас это было удовольствие и возможность после окончания работы прокатиться верхом, так как надо было отогнать лошадей на пастбище. Свободного времени у нас было много, проводили мы его на улице, в поле, в лесу, на речке. Собирали ягоды, съедобные корешки и травки. Даже ели спорынью, добывая ее из ржаных колосьев. Я не скажу, что мы были голодными. Просто все, что находили съедобного, ели, видимо, требовалось организму.

За годы, прожитые в деревне, мы питались лучше, чем в послевоенные годы. Хлеб у нас был всегда, картошка, овощи, квашения капуста, соленые огурцы постоянно были на нашем столе. По праздникам пекла бабушка вкусные пироги или овсяные блины. Как удавалось матери всем этим обеспечить, не

знаю. Конечно, работала она на самых тяжелых участках и на заработанные трудодни получала зерно и овощи. Картошку и овес выращивали на приусадебном участке. Часть зерна мы размалывали на ручных жерновах, а часть – на ветряной мельнице. Зерна на весь год не хватало. Получая деньги по военному аттестату, мать покупала муку в соседних деревнях. Порой приходилось менять что-то из ценных вещей. В нашем меню иногда появлялось мясо: бабушка держала овец. Каждый год у овец появлялся приплод. Всю зиму в избе за печкой жили ягнята, а под русской печкой – курицы. Молоко появлялось в доме редко, так как не всегда его можно было купить. Те, кто держал коров, сдавали государству по 360 литров молока, а у самих были большие семьи. Покупали обрат на сливпункте, делали из него простоквашу, творог.

Хуже было с одеждой и обувью. Купить было негде. Одежду мать шила сама по ночам при свете коптилки, перешивая какие-то вещи из бабушкиных и дедушкиных нарядов. Летом нам, кроме трусов и рубашки, ничего не требовалось. С ранней весны до поздней осени бегали босиком, несмотря на то, что в окрестностях было много змей. Все дети в деревне были в таком положении и воспринимали как должное. Игрушки мастерили сами, делали тележки, саночки, шили збрую, затем пытались запрячь в них кошек, которые не любили наши забавы. Для уличных игр выпиливали городки и биты к ним. Леску к удочкам делали из волос конских хвостов.

Зимой основным развлечением было катание с горки на санках. Без санок я не выходил из дома. Старшая сестра до сих пор вспоминает, как я в коротких штанишках с голыми коленками в бабушкиной кофте катался с горки, бродил по сугробам. От простуды спасала русская печь, куда я забирался после прогулок и прогревался до костей. Когда начинались занятия в школе, к нам приходили одноклассницы сестры делать уроки, так как учебников было мало. Тетради они делала их грубой желтосерой бумаги, которую разлиновывали. Так проходила наша жизнь. О войне напоминали только письма с фронта и похоронки или подготовка подарков для солдат. Письма с фронта читали коллективно: большинство женщин не умели читать, читали школьники. Помню, что в письмах многие слова были зачеркнуты черными чернилами. Перечитывали несколько раз, чтобы понять написанное. Это были радостные события: родной человек жив и храбро воюет. Когда же в деревне раздавался громкий крик и плач, все знали, что в эту семью пришла беда, кто-то погиб. К нам тоже пришла беда, погиб дядя Вася, брат матери. Мы видели, как плакали бабушка и мама, но помочь им ничем не могли. Из трех сыновей, отправленных на войну, первым погиб самый младший, похоронка на старшего Ивана пришла уже после войны. Я не помню ни одной даты, но ближе к весне после лечения в госпитале приехал отец в краткосрочный отпуск. Лучшим гостинцем для нас была американская тушенка в красивых банках. Но самым интересным для нас с братом был пистолет со странным названием ТТ. Видя наш интерес к пистолету, отец спрятал его в бабушкин сундук и закрыл на замок. Папа пробыл с нами несколько дней. В эти дни мы не выходили из дома, смотрели, как он делал борону для колхоза. Строгал бруски, пилил, сверлил и скреплял их. Сколько времени прошло после отца не помню, но в один из теплых весенних дней приехал посыльный из района и объявил, что война закончилась. Мы, мальчишки, побежали по деревне с криками: «Победа, победа!». Все жители колхоза собрались в центре деревни. Одни плакали от счастья, другие от горя, что никогда не увидят своих

погибших родственников. К середине дня люди принарядились, взрослые ребята поставили качели, появились гармошки, люди пели, плясали до позднего вечера, а на другой день с рассветом уже были в поле, так как шел весенний сев.

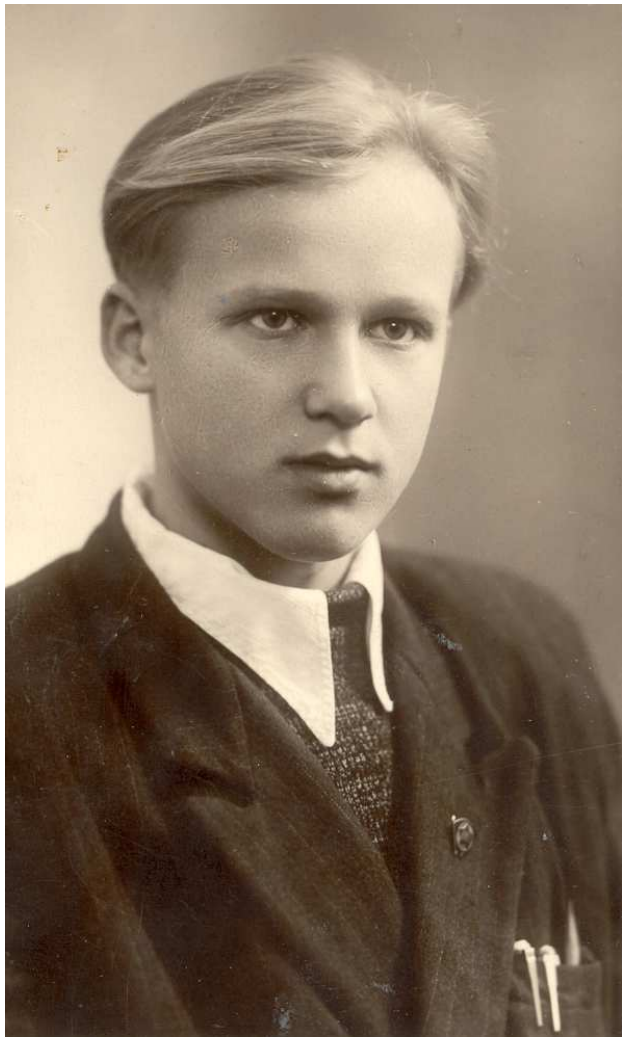
Я запомнил день 2 сентября 1946 года, когда к нам пришла учительница и увела меня в школу. Первого сентября мама не отпустила меня, считая, что я еще маленький. Этот день запомнился мне еще и потому, что на первой перемене я толкнул своего друга, учительница наказала меня, заставив 3 урока стоять на коленях, слушая, как она читает книги «Федорино горе», «Мойдодыр». После этого мне расхотелось ходить в школу, но недели две я еще учился. В середине сентября приехал отец, которого по инвалидности отправили в отставку. Он получил маленькую комнату в коммунальной квартире, где мы с трудом разместились по приезде в г.Кириллов. Никакой мебели не было, кроме старого стола и ящиков, заменяющих стулья. Пищу готовили на керосинке в этой же комнате. Но самое страшное еще было впереди, когда получили карточки. Мы узнали, что такое голод. Буханку хлеба надо было разделить на шесть человек, чтобы хватило на завтрак, обед и ужин. Но чтобы получить по карточкам хлеб, крупу, сахар, надо было несколько часов отстоять в очередях. Месяца через два мы получили квартиру из двух комнат с проходной кухней 28 кв.м. Вскоре пришлось из деревни забрать бабушку, так как без нас она заболела. Но в городе на бабушку не давали карточек. Не знаю, как отцу на пенсию и небольшую зарплату удалось прокормить такую большую ораву. Надо было еще одеть, обуть, купить ученические принадлежности, так как трое из нас ходили в школу.

В классе было более 20 полуголодных и плохо одетых учеников, но стремление учиться у большинства из них было, так как учительница была хорошая, добрая. Я очень много читал и в 4 классе прочел книгу Шишкова «Угрюм река». После окончания 1 класса медицинская комиссия определила у большинства из нас дистрофию первой степени, в 9 лет я весил 16 кг. На базе школы организовали лагерь отдыха. За месяц я поправился на 2 кг и чувствовал себя совершенно здоровым.

В 1947 году нам выделили участок земли недалеко от дома для выращивания картошки, овощей. Там мы косили сено для козы, которую купил отец. Появилось собственное молоко, завели кур. Все это улучшило наше питание. После 2 класса летом я стал подрабатывать. В городе многие держали коров и, когда подходила очередь их пасти, нанимали меня подпаском. В этот день меня кормили горячим утром и вечером, с собой давали пироги или бутерброды, а вечером при окончательном расчете - литровую банку молока и пять рублей, чего хватало на 3 билета в кино. Зимой с братом за небольшую плату мы пилили дрова пенсионерам. Но это были временные заработки, карманных денег не хватало.

После 7-8 класса летом мы работали на стройке чернорабочими, копали землю, месили бетон, возили камень для фундамента на тачках и т.д. Рабочий день продолжался 8 часов. На заработанные деньги я впервые купил себе настоящий костюм, рубашку и туфли, но из верхней зимней одежды незаменимым оставался ватник. Первое модное полупальто я купил себе после окончания школы, когда пошел работать на стройку.

Все трудности, пережитые нами во время войны и в послевоенные годы, не сломили нас. Большинство одноклассников получили высшее образование. Среди них есть преподаватели вузов, военно-начальники, заслуженные учителя, медицинские работники и госслужащие.



МИККОНЕН
Рудольф Петрович

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

1941 год. Карелия. Небольшой рабочий поселок Суна в заливе Онежского озера. Напротив поселка стоит на якорях большая деревянная баржа. На нее из близлежащих деревень подъезжают на лодках местные жители. На берегу мечутся оставленные хозяевами домашние животные: их ведь не возьмешь неизвестно куда. Такие воспоминания остались у меня, пятилетнего ребенка, о начале войны. Война началась с эвакуации. Наша семья – мама с пятью малолетними детьми, а также две папины сестры с маленькой пятилетней Люсей, моей двоюродной сестрой, и бабушкой пустились в дальнюю дорогу.

Высадили с баржи всех эвакуированных в местечке Повенец. В результате скопилась очень большая масса людей; не хватало жилья, продуктов питания. Начались голод и болезни. Не знаю, каким образом нам удалось добраться до железной дороги, по которой мы прибыли в деревню Горьковской области. Здесь тети устроились на работу в колхозе, а моя мама занялась домашним хозяйством. Она шила и вязала по заказам деревенских жителей. С нами всю войну была швейная машина «Зингер». Жили мы в большой избе, печь топили кизяком, спали на полатях. Семья

жила в деревне неголодно. Вокруг деревни простирались огромные поля подсолнечника. Подсолнухи были высокие, густые, словно лес, и мы, детвора, забирались в заросли и играли в свои игры. Были в деревне и маслобойни, там нам давали жмых. Но вскоре взрослые завербовались в город Мурманск, и мы перебрались туда.

Город был частично разрушен, но нам дали жилье. Взрослые работали в рыбном порту на разгрузке тральщиков. Рыбы было очень много, и всякий раз после смены мама приносила ее уже вареную домой (это было разрешено официально).

Во время налетов немецкой авиации город погружался во тьму, а по самолетам били зенитки. Рядом с нашим домом стояло несколько зенитных установок, которые обслуживали девушки. Мы, мальчишки, проводили время на улице: за нами никто не следил, взрослые были на работе. Малышней руководили старшие ребята. Они заставляли нас собирать окурки, просить у прохожих деньги, сигареты и папиросы.

Моя старшая сестра и брат отоваривали хлеб по карточкам, это входило в их обязанности. Почему-то хлеб получали на двое суток вперед. Однажды у сестры украли карточки, и я не знаю, как мы пережили это время.

Здесь, в Мурманске, я пошел в школу. Помню, что учительница на большой перемене приносила на подносе каждому кусочек хлеба и чайную ложку сахарного песку. Все это моментально съедалось.

Хорошо запомнил День победы. На улицах было много народу, гремела музыка, люди плакали и смеялись. Нам повезло. Отец вернулся с войны. В конце 1946 года мы уехали на малую родину – в Карелию. Дальнейшая жизнь семьи была связана с Кондопожским леспромхозом, где папа работал шофером. Первые годы после войны были очень тяжелыми – всем известно, какими голодными оказались 1946-1947 годы.

НОВИЦКАЯ
Валентина Ивановна

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Родилась в г.Калуге 10 февраля 1930 года. Перед войной проживала с родителями в п.Барятино Барятинского района Калужской области. Мой отец, Богомолов Иван Михайлович, работал в конторе «Заготлен» и до войны успел построить дом. Мать, Богомолова Анна Матвеевна, работала бухгалтером в поселковом Совете. А в мою обязанность входило оберегать 2-х летнюю сестренку. Родители строили дом перед войной, а мы с бабушкой и двоюродной сестрой Лидой нянчились. До начала войны отец завершил строительство дома, но пожить в нем ему не пришлось, так как с первых дней был призван в армию и в 1943 году погиб в боях под г.Ельней.

Немецкие самолеты часто бомбили железнодорожную станцию, наводя ужас на население воющей сиреной. Население спасалось от бомбежки в зеленой полосе около поселка. Бежали к кустам и прятались там.

Однажды бомбежка застала нас в огороде. Самолеты, сбросив бомбы над станцией и сделав разворот, начали обстреливать бегущих к кустам людей. Пришлось своим телом закрыть малышку. Позже у каждого дома рыли ямы-бомбоубежища, где и спасались во время налетов. Для нас началась жизнь под землей. Выходили на поверхность лишь по необходимости. Такая жизнь продолжалась до прихода немцев в

сентябре 1941 года. Станция была разбита, наши войска отступали пешком мелкими группами.

Богомолов Иван Михайлович (отец Новицкой В.И.)

Немцы наступали на машинах, танках, мотоциклах, играя при этом на губных гармошках. От населения они требовали кур, яиц, сала. Неуспевший выехать с госпиталем аптекарь – еврей повесился в сарае соседки. Началась отправка молодежи в Германию. Чтобы спасти сестру Лиду, ей было 15 лет, мы уехали в деревню к родителям отца, в 20–ти километрах от п.Барятино, где прожили всю оккупацию, семь месяцев.

У дедушки была своя кузница, он держал много гусей, всегда был хлеб. Он очень помог нам с питанием. Освободили нас от немцев в апреле 1942 года. Линия фронта надолго установилась не далеко от нас. У дома стояли дальнобойные орудия, обстрелы велись по ночам. Долетали до нас и немецкие снаряды. Однажды мы играли на крыльце и только вошли в дом, как крыльца не стало. Началась эвакуация населения. У кого была возможность выехать к родственникам за 100-150 км, выезжали самостоятельно. Родители отца уехали к семьям 3-х сыновей, которые проживали в Москве и Московской области. Остальных, в том числе и нашу семью, погрузили в эшалон и отправили в тыл. Ехали очень долго, часто стояли в тупиках на железной дороге, иногда подвергались бомбежкам. Привезли нас на станцию Нахой Саратовской области, Немецкое Поволжье. Население со станции было вывезено, стояли пустые дома, бегали одни злые, голодные собаки. Вот тут-то мы и узнали, что такое голод и холод. Ели лепешки из мороженого картофеля с лебедой, собирали колоски, грызли льняной прессованный жмых. Школы в немецком Поволжье открылись на украинском языке. Мы переехали на станцию Аркадаг, здесь я училась и одновременно работала в совхозе на сельскохозяйственных работах. Мать работала в госпитале на кухне. Вскоре у нас появилась коза, а с ней и молоко. В 1943 году умерла бабушка в Московской области, умерли и родители отца. Оба дома наш и родителей отца, были разрушены, возвращаться было некуда. Когда мне исполнилось 15 лет, мать отправила меня к родственникам в Красноармейск Московской области. Здесь я сначала работала ученицей, а затем ткачихой на 2-ух станках. Ткала кирзу, из которой после обработки шили солдатскую обувь. Закончила 7 классов вечерней школы и поступила в техникум, а затем и в институт заочно.

ОСОКИНА
Татьяна Дмитриевна

ВОЙНА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Великая Отечественная война началась, когда мне исполнилось 6 лет. Кроме меня в семье был брат Алфей, старше меня на 11 лет. Хорошо помню, как отца собирали на фронт. Он уехал, но через полгода вернулся, его комиссовали по состоянию здоровья. Брат окончил среднюю школу и его отправили на учебу в г.Карасук (Сибирь) в летное училище. Он прошел всю войну.

В 1942 году я пошла в школу. Это была 4-ая начальная школа на ул.Папанинцев (ныне проспект Победы) рядом с парком ВПВРЗ. Здесь прошло мое детство. Мы пробирались в парк и там играли целыми днями. Мне нравилось учиться в школе. Наш учитель Кириков Николай Александрович, был очень внимательным, чутким и даже ласковым человеком. Родители считали его учителем от Бога. Занятия велись одновременно с 1 и 3 классами. В школе выдавали карточки в столовую, расположенную на

Тане 5 лет. 1940 г.

улице Ульяновой. По карточкам получали одежду и обувь – ботинки на деревянной подошве. Так как отец болел, то работал он дома. Мама закончила учительскую гимназию, но занималась

Довоенное фото.
Тане 1 год 8 месяцев

домашними делами и огородом, держали козу. Жили в частном деревянном доме с огородом, где выращивали овощи. Из овощей мама готовила салаты, и мы носили их в госпиталь, который находился на берегу реки Вологды в здании педагогического института. Иногда ездили в деревню, меняли вещи на зерно. В домашних условиях зерно мололи жерновами, перерабатывали на муку. Ели гороховую кашу, картошку с треской. На столе всегда стоял самовар. В доме была теплая, доброжелатель-ная обстановка.

Тане 8 лет. 1943 год

Окончание войны мы отмечали у нашего учителя дома. Пили чай, слушали музыку. Мама на базаре бесплатно нали-вала молоко нашим там и пленным цам, которые ли на строительстве дома по улице Ленинградской. Один из немцев подарил маме кружку из белой керамики.

Война оставила неизгладимый след в моей жизни и отразилась на моем здоровье.

Брат Алфей. Летное училище. 1942 год

САБУРОВА
Тамара Анатольевна

Я родилась 23 сентября в 1936 году в г. Тотьме вторым ребенком в семье. Когда началась война, нас (детей) было уже четверо. К сожалению, в начале 1942-го года младшая сестричка (ей было 8 месяцев) умерла. Отец был призван в армию сразу после объявления войны. Начало войны я плохо помню, мне шел пятый год. Запомнились слезы - и бабушка, которая сильно молилась. У нее был целый иконостас. Мама в то время была домашней хозяйкой. Нас детей на улице Малый переулок было много. На переулке мы жили как в деревне, улица была зеленая, как ковер, только тропинки к домам протоптаны. Мы играли, гимнастикой занимались, «мостиком» ходили. Речка Песья Деньга рядом протекала, была чистая и довольно глубокая, летом бегали купаться по несколько раз в день.

Во время войны наша семья не голодала. Мама была большой рукодельницей, умела делать все: выполняла и тяжелую работу, и шила (сумки, мешки для школьных принадлежностей, даже бурочки строченые на вате, которые мы с галошами носили).

В хозяйстве был всякий инвентарь: ткацкий станок, жернова, толчок на качке большой, станок битный для получения льняного масла и др. С родины папы (Калининский сельский совет, деревня Игначево) привозили семя льна, и мама за жмых делала масло. Жмых мама обкатывала мукой и пекла булочки – витушки, даже детей на переулке подкармливала. У нас были две козы. Мы с мамой ходили через поле к лесу за листом для коз. Коз привязывали около речки, а они, бывало, отвяжутся, и их забирали. Мы с сестрой ходили, плакали, просили, чтобы отдали коз.

Мама стирала солдатскую одежду. Привезут, выгрузят столько, что и дома не видно. Мама варила щелок

из золы с добавлением какого–то вонючего мыла и им стирала. Мы маме помогали, на речке терли речным песком фуфайки, ватные штаны, полоскали, потом сушили. Все заборы были завешаны этими вещами.

Дрова добывали сами (я говорю не только о своей семье). Женщины шли в лес, рубили дрова, сколько могли, везли на санках. Мы встречали маму, а старшая сестра Валя в лес с мамой ходила. Разделывали дрова тоже женщины, мы помогали, как могли, складывали. Освещение – керосиновые лампы. В мои обязанности входило каждый день чистить стекла лампы. Валя, старшая, дрова к печкам носила, Римма – воду с речки. За нами смотрела бабушка. Она нас очень любила, контролировала, а мы, бывало, и по крышам лазали, и в огороде прятались.

На Песьюхе (так называли мы нашу речку) ловили вместе с соседями рыбу. Наши мамы шили из мешков бредни. Мамы ставили эти бредни в воду, а мы забегали вперед и палками загоняли туда рыбу. В основном ловили мелочь, но иногда и налимы попадались. Улов был большой: ведра по два на семью. Потом жарили, варили на кирпичах во дворе.

В Тотемском районе мама знала все леса, что и где растет, и нас научила любить лес, природу, с малых лет водила нас за ягодами, за грибами. Собирали бруснику, голубику, чернику, клюкву, малину. У нас всегда была бочка топленой брусники, сухие ягоды, сухие грибы, бочка соленых грибов. Конечно, никакого варенья, сладостей не было, бруснику ели с мукой, с толокном. Картошку варили или жарили «на воде, да на сковороде». Собранные ягоды мы еще и продавали. Мы с Риммой сядем около магазина, она в стакан ягоды кладет, а я копеечки получаю. На вырученные деньги мы покупали школьные принадлежности.

В 50–е годы по речке по большой воде сплавляли лес. Потом лес выгружали, укладывали «кострами». Все делали вручную в основном женщины, так они зарабатывали деньги. Мы, подростки, тоже выгружали тоненькие бревнышки отдельно от взрослых, чтобы видеть результат своего труда, и это все делали добровольно.

Семья Синицыных в 1941 году.
Тамара в центре, рядом с бабушкой

Умели мы и веселиться. На переулке собирались вместе девочки и мальчики, устраивали концерты, выдумывали какие-то смешные действия: кто где что-то видел, читал. Во время выборов давали концерты, а мы копировали выступающих по-своему и показывали на сарае. Сарай был большой, одна часть его была поднята, как сцена. По 5 копеек продавали билеты своим же родителям, знакомым. Вот было радости у нас и у родителей! На вырученные деньги покупали витамины и пили с ними чай.

Учились мы в базовой школе педучилища. В школу я пошла в 44-м году. Первый класс закончила на отлично. Помню, как в зале педучилища за отличные успе-

хи мне вручали подарок: в коробочке из-под папирос «Казбек» был носовой платочек, а по диагонали лежала куколка – глиняная голышка. Я была с мамой и помню ее слезы радости. Но, к сожалению, в 45-м году я заболела, отказали ноги (ревматизм), ведь бегали до заморозков босиком. Помню, как мама носила меня в баню, натирала скипидаром, одевала ноги в шубные рукава.

Да, было трудное время. У мамы было достаточно ума, такта, выдержки, чтобы нас воспитать, никогда она плохим словом никого из нас не назвала. Мы знали, если мама сменила тон разговора, значит мы что-то не так сделали. Она научила нас выполнять любую работу.

Папа в 44-ом году приезжал на побывку, а демобилизовался в 46-ом году, его еще задержали в Прибалтике. Он ушел солдатом, а пришел офицером, коммунистом. Награжден орденом «Красной Звезды», орденом «Красного Знамени» и медалями. На фронте он командовал штрафной ротой. Помню рассказывал, как его, раненого, контуженого, еле живого, вынесли солдаты с поля боя, не оставили. Говорил, что среди штрафников было много честных, порядочных парней. Очень жаль, что отцовские награды мы не сохранили. Как-то пришел отец выпивши, бросил награды и сказал: «Ничего видно не стоят эти награды, все равно как игрушки». Обидно было отцу, что отменили денежные выплаты за награды. Мы не понимали тогда, как были дороги эти знаки.

Папа в институте не учился, но был умный, мастер на все руки. Много хороших дел сделал для Тотьмы и района. После войны стала в колхозы поступать техника в разобранном виде. Он по книгам, по чертежам собирал ее. Его по очереди возили в разные сельсоветы. Папа принимал участие в восстановлении электростанции, а потом был ее начальником. В здании педучилища он с бригадой наладил отопление. Но пожил отец мало, в ноябре 1956-го года его не стало, а был ему 41 год. Сказались все последствия войны. Рассказывал, что спали бывало на снегу, одежда к земле примерзала. Нас осталось шесть сестер, братик трех лет, мама, бабушка.

Сейчас трудно представить, как мы выжили. Мы старались, учились хорошо, жили дружно, помогали маме и друг другу. Мама бралась за любую работу. Она была из семьи «богатенькой»: дед, отец мамы, содержал большую конюшню, вроде почтовой. У мамы был большой кованый сундук с приданым. Конечно, в тяжелое время она многое поменяла на продукты: ходила в деревни, в Кокшеньгу, в обмен на вещи приносила крупу, а иногда и мясо. А в 5-ом классе я перешивала мамины бархатные платья на «физкультурки» (тогда в моде были). Мама научила нас многому: шить, ткать, вязать и пироги печь. Еще хочу сказать, что мама была благодарна советской власти, за помощь в учебе и воспитании детей. На детей платили пособие, а после похорон папы – пенсию, хоть и небольшую, но без сбоев.

Да время было очень непростое. Год 1947-й был неурожайным, и самым тяжелым. Папа работал, что-то добывал, но нас столько ртов! Собирали на поле колоски: пойдем рано утром, наберем, а какой-то человек подъедет на коне и отберет собранное. Мы старались убежать изо всех сил. Ели все, что жевалось. Картошку чистили, а шелуху сушили.

На переулке были большие бревна, приготовленные еще до войны. Вот сидим мы с ребятами на этих бревнах и мечтаем. Соседский Вадимка говорит: «Вот если бы дали хлеба досыта, то я бы три буханки с чесноком съел!». А Витька ответил: «Три–то я пожалуй, не съем, две так точно съел бы!». А Толик: «А мне бы и одной буханки хватило…». А позднее, когда отменили кар-

точки и продавали хлеб, мы стояли в очереди, которая была не меньше километра.

Проезжие дороги утопали в грязи, даже телеги увязали. Света на улицах не было. Если вечером куда-то шли, то надевали резиновую обувь, и все-равно можно было увязнуть.

Да и позднее много было испытаний. Я понимаю, когда говорят, что было трудно, но ведь такую войну выдержали, столько разрухи во всех областях хозяйства она принесла. Столько надо было восстанавливать.

Нас семеро, и мы всегда помогали друг другу и были дружны.

Накануне Дня Победы, 8-го мая мы все с мамой были в ее родном доме, в деревне Савино. Там жила бабушка и тетя Дуся (мамина сестра), у которой был день рождения. А на утро узнали, что война кончилась, все веселились, обнимались, плакали, шумели, кричали. Это я хорошо помню, мне уже шел девятый год.

1 ноября 1982 года мы поздравляли маму с 70-летием. Собрались все сестры и брат семьями. Вот что писала тотемская газета «Ленинское Знамя» от 30 октября 1982-го года:

«Шестерых дочек и сына воспитала Н.И.Синицына, проживающая в Тотьме, в Малом переулке, 5. Прекрасна эта женщина трудолюбием, материнством, добротой и стойкостью. Более четверти века назад умер ее муж, младшему из детей Володе было тогда два с половиной года. А теперь он капитан Советской Армии.

Сама в прошлом простая рабочая, Нина Ивановна обладала природным даром воспитателя. С раннего детства она привила детям лучшие качества. Научила их любить и уважать труд, быть добрыми, честными, внимательными к людям, аккуратными во всем. Наверное, потому Татьяне предложили работу в райкоме КПСС, а Тамаре – в областном комитете партии. Валентина – продавец универмага, Римма – учительница, Ольга – воспитательница детского сада, Майга – начальник паспортной службы в Ленинграде. Столько добросовестных тружеников вырастила мать!»

«Мы безгранично благодарны маме за ее неутомимую заботу о нас, – пишет Майга Анатольевна. - Во всем стараемся быть похожими на нее. В день 70-летия желаем мамочке крепкого здоровья на долгие годы, счастья и благополучия».

Такие пожелания и более задушевные скажут своей маме на юбилее ее дети, собравшись все вместе под родительским кровом. Заслуживает почестей мать, награжденная двумя медалями «Материнская слава» и орденом «Материнская слава».

Я тогда жила уже в Вологде. Дорога до Тотьмы только строилась, часть дороги была практически непроезжая. А теперь хорошее шоссе есть не только до Тотьмы, а и во все районы области. Я просто хочу сказать, что немало трудов положено для улучшения жизни, в том числе и нашим поколением.

Теперь мы уже все пенсионеры. Двух сестер нет в живых, похоронены в Тотьме.

Старшая сестра Валя живет в Тотьме, Ольга – в Перьми, Майга и Володя - в Санкт-Петербурге.

СЕДОВА
Алла Александровна

ДЕТИ ВОЙНЫ

1. Эвакуация.

Когда началась война, мне было 2 года 8 мес. Жили мы в военном городке Молодечно в Западной Белоруссии. Отец – военный офицер – старший лейтенант, мама – учительница, брат Эдик – 3 года 9 мес.

По словам мамы, папа выступил в бой в первые часы, а мы – мама, брат и я - срочно эвакуировались. Ехали в переполненном поезде, в телячьих вагонах под бомбежкой. Близ ст. Вилейка состав загорелся от попавшей в него бомбы. Как маме удалось довезти нас до места, трудно сказать, но мы спаслись, хотя больше ничего не спасли.

2. Новое место.

Прибыли в город Тотьму, Вологодской области – родина моих родителей. Маленький городок на р.Сухоне был наполнен эвакуированными из Украины, Белоруссии, Прибалтики, г. Ленинграда и других городов. Поселились в доме у бабушки Елены, папиной мамы, где жила сестра папы Анна Константиновна с мужем и двумя маленькими детьми, сестрами Диной и Таней.

Дом стоял на окраине города и в то же время в центре его, в небольшом переулке, который отделял центральную площадь от речки Песья Деньга. Это был необычный дом: дед, отец папы, в свое время был членом городской Земской Управы, и семья была не из бедных. Опушённый, на каменном фундаменте, дом стоял под железной крышей с

балконом, парадным крыльцом и вторым, выходящим на двор. Внутри 5 комнат и кухня; высокие потолки, большие окна и старинная мебель.

Во дворе – огромный утепленный сарай, где в былые времена стояли лошадь, корова, прочая живность. Наверху – сеновал, внизу – ледник. Дом был крайним к речке. С высокого берега открывался вид на речку Песья Деньга, заливные поля до самой Зелени и полуразрушенную Троицкую церковь в устье реки. Казалось, природа специально подарила такой удивительный уголок для детских развлечений.

Сам переулок разделял овраг. Здесь протекал к реке Петухов ручей. Нам освободили угловую комнату в три окна, одно из которых выходило на двор, а два других на дорожку в переулке и на ручей. Здесь, на противоположной стороне оврага, напротив наших окон находился военкомат, огромное деревянное здание почти во весь переулок.

Отсюда уходили на фронт.

В такие дни с утра собирался народ. Играли гармошки, звучали частушки, раздавались на всю округу мелодии духового оркестра. Сколько щемящей грусти было в его звуках! Начинали обычно с мощного призыва песни Александрова «Вставай, страна огромная», ее сменяли грустные мелодии вальса «Березка» и «На сопках Маньчжурских» и, нако-нец, «Прощание славянки». Мужчи-ны с котомками садились в машины и уезжали. Жен-щины и дети с плачем бежали следом и махали платками и руками. Со многими, еще живыми, прощались навсегда. Эти картины до сих пор стоят перед глазами.

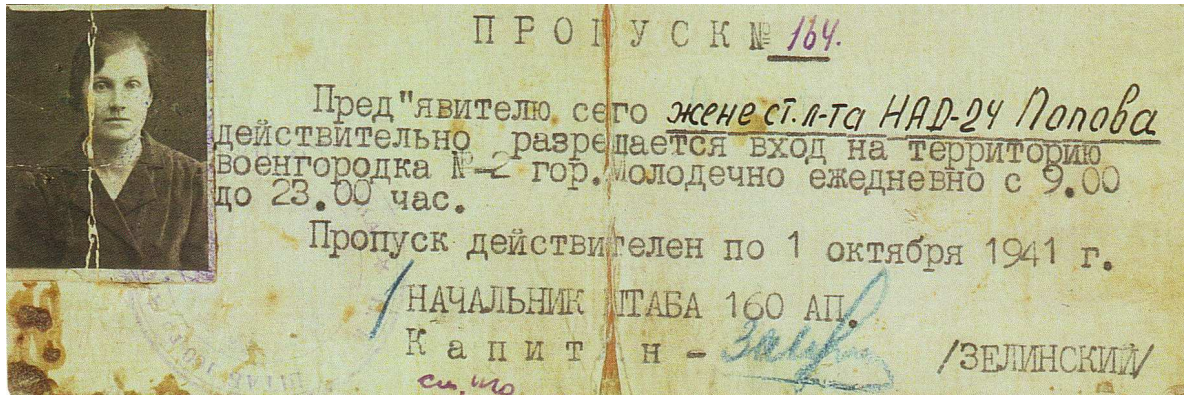
Родители перед войной

3.Детский сад.

Себя помню с трех лет, когда мама привела меня в первый детский сад в малышовую группу. Я была наголо подстрижена и в костюмчике брата. Вероятно, он вырос из него, а у меня ничего не было.

Дети подходили ко мне, разглядывали и говорили друг другу: «Новенький мальчик пришел».

Детский сад №1 был лучшим из всех. Он занимал большую территорию (целый квартал), заросшую огромными деревьями - сосны, ели, березы, липы,



ПРОПУСК № 164.

Пред"явителю сего жене ст.л-та НАД-24 Попова действительно разрешается вход на территорию военгородка №-2 гор. Молодечно ежедневно с 9.00 до 23.00 час.

Пропуск действителен по 1 октября 1941 г.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 160 АП.

Капитан - /ЗЕЛИНСКИЙ/

рябины, а по границе, вдоль оврага с противоположной стороны – заросли черемух. Мы боялись спускаться к ручью на дне оврага, берега были очень крутые, да нам и не разрешали воспитатели.

Для игр на территории сада стоял маленький домик с крылечком, настоящей дверцей и окнами. В домике – стол и скамеечки. Здесь мы любили проводить время. Оставляли от еды немножко хлеба, приносили из дома у кого что было: морковь, горох, сушеный картофель. Готовили угощения на листочках подорожника. Однажды подготовили «концерт» и пригласили нашу воспитательницу Анну Александровну и заведующую Екатерину Ивановну. Угостили их своим «ужином». После этого по просьбе Екатерины Ивановны нам для игры всегда оставляли на кухне кусочек хлеба. Мы были очень довольны.

В детском саду давали на завтрак 50г. хлеба с маргарином и чай, на обед – суп, чаще гороховый, или овсянка, каша и сладкий (на сахарине) чай. На ужин - каша и хлеб с маргарином, чай. В праздники вместо каши за обедом – омлет из яичного порошка или оладьи.

В саду нас учили читать, считать, рисовать, вышивать, лепить и заниматься физкультурой. Читать я научилась в 5 лет и самостоятельно прочла «Красную шапочку», «Три поросенка» и «Забавные сказки». Книжки мне приносила мама из школьной библиотеки.

Любимым занятием были у всех музыкальные. Их вела Сенковская Мария Михайловна. Она работала в педучилище и два раза в неделю приходила в садик. Со мной она занималась отдельно. Учила танцевать. Первый мой танец, с которым я выступала на утреннике, был танец с куклой. Кукла была совершенно необыкновенная. Она могла закрывать глаза и издавала звуки, похожие на слово «мама».

В садике таких кукол не было. Ее приносили лишь для выступления. Ради этой куклы я готова была танцевать сколько угодно. Мария Михайловна, грузинка по национальности, научила меня танцевать «Лезгинку», «Кабардинку», украинский «Гопак», татарский «Хайтарму», русскую «Кадриль» и другие танцы. Позже, когда я проходила педагогическую практику, учась в педучилище, и мне в руки попало «Личное дело» Поповой Аллы, я прочитала: На вопрос «кем хочет быть?» неизменно отвечает: «Марией Михайловной».

Детский сад оставил в моей памяти много хорошего. Первые минуты счастья я испытала в раннем детстве, выступая на праздничных концертах. Меня включали в программу концерта партийной конференции. Он проходил в педучилище (это было тогда лучшее здание, с большим актовым залом) в торжественной обстановке, сопровождались необычным обедом. На столах было столько вкусного, чего не было ни в одном магазине, что мы, маленькие артисты, стояли, не веря своим глазам, видя нарезанную колбасу, сыр, конфеты, бизе и прочие кушанья.

После выступления каждому из нас давали настоящую плитку шоколада, которую мы даже боялись есть, и только вдыхали необыкновенный запах.

Чужие взрослые дяди брали меня на руки и говорили: «Она сама еще кукла».

4.Маленькая артистка.

Брат мамы, дядя Миша, после ранения приезжал на несколько дней в отпуск. Он приходил к нам в белом полушубке, перетянутом широким ремнем по талии, в белых бурках, в шапке-ушанке с красной звездочкой и с неизменной гармошкой.

Комната сразу наполнялась незнакомым запахом одеколона и махорки. Дядя Миша усаживался на широкую лавку на кухне и начинал играть на гармошке, тихонько подпевая. Это были песни военных лет, задушевные и грустные: «Огонек», «Три танкиста», «Сады садочки», «В лесу прифронтовом», «Идет состав за составом» и другие.

Мы, дети, слушали и подпевали, так как знали все песни наизусть. Потом он просил меня сплясать «Кабардинку». Я с удовольствием плясала под музыку его гармошки, а он стучал в такт ногой и выкрикивал слово «Асса!». Все дружно хлопали в ладоши и просили сплясать еще. Потом пели мы с братом песни, которые учили в детском саду.

Эдик начинал:

«Бабуся, бабуся, зачем тебя ночью
В отряд занесло к нам сюда?»

Я отвечала:

«По делу, сыночек,
По делу, родимый,
Я шла, не жалея труда.»

Потом меня ставили на табуретку, и я громко читала:

«Он прилетел на истребителе,
Чтобы попасть на елку в срок,
Ребята из окошка видели,
Его красивый «ястребок»,
Он обнял дочку «Здравствуй, Галенька!»
А та его не узнает,
Она с отцом рассталась маленькой,
А он воюет третий год…»

Дядя Миша называл меня «маленькой актрисой» и однажды с работы принес мне билет на елку. Этот Новый год мне запомнился на всю жизнь. Там я и пела, и плясала, и читала стихи, одним словом, развлекала публику, как могла, а дядя Миша играл на своей гармошке. Все были довольны и, чтобы отблагодарить меня, кроме подарка с гостинцами, предложили выбрать любую игрушку с елки. Я давно приглядела маленького конькобежца. Он был в белом костюмчике, а на ножках блестели конечки. Я, не задумываясь, указала на него и, хотя игрушка висела довольно высоко, мне сняли ее с елки. Счастье переполняло меня, и я расплакалась. Маленький конькобежец украшал все мои елки до последних лет и напоминал мне ту, где называли меня «маленькой актрисой».

Маму мы совсем не видели. Она работала в школе заведующей и вела уроки сразу в двух классах. Школа находилась на другом конце города. Это была Первомайская начальная школа (двухкомплектная).

После занятий мама готовилась к урокам, затем обучала грамоте взрослых и ходила по деревням, подписывая население на заем.

Воспитывали нас бабушки. Больше всех занималась с нами папина мама – бабушка Елена, так мы ее называли. Это была уникальная женщина. Она заменяла нам и родителей, и учителей. Бабушка играла с нами во все детские игры. Особенно нам нравилась игра в жмурки.

В темном чулане хранилась великолепная маска льва, сделанная из папье-маше. Густая грива льва состояла из многочисленных ленточек - серпантина, пасть раскрыта с острыми зубами. Бабушка одевала эту маску и, наводя на нас ужас, двигалась

широко раскрыв руки. Мы с дикими воплями и визгом разбегались, стараясь увернуться от ее ловких рук.

А когда играли в прятки, бабушка искала нас, приговаривая: «Скырлы, скырлы, скырлы, на липовой ноге, на березовом сучке…» Мы забивались под старый диван и сидели там, затаив дыхание, боясь пошевелиться.

Вечерами бабушка усаживала нас на диван и читала наизусть басни Крылова, сказки Пушкина, поэмы Некрасова, стихи Есенина, Лермонтова. Это повторялось так часто, что очень скоро мы знали наизусть «Генерала Топтыгина», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Бородино», «Мужичок с ноготок» и все басни Крылова, которые знала бабушка.

На день рождения бабушка всегда пекла пирог для именинника. Это была обычная булочка из черной муки, сверху посыпана крупкой и со сметаной.

Вечерами все жильцы дома собирались в большой комнате, чтобы услышать сводку Совинформбюро. После знакомых позывных звучал торжественный голос Левитана «Внимание! Внимание! Говорит Москва! Передаем сообщение…» и т. д. Когда наши войска освобождали очередной город, все кричали «Ура!». Мы прыгали, смеясь, а взрослые утирали слезы.

Однажды мама пришла домой раньше обычного и сказала, что на праздник будут давать американские подарки. Я очень обрадовалась, так как сразу представила себе красивую куклу, о которой всегда мечтала. Вместо куклы мама принесла костюм для брата. Темно-синяя курточка с голубой отделкой, вся в замочках и карманчиках на молнии и бежевые брючки с металлическими кнопками. Эдик в нем был как на картинке. Куклы не было. И вообще, для меня ничего не было. Я горько заплакала.

На завтра мама откуда-то принесла мне куклу с отбитым носом. Бабушка сшила ей платье и на ножки связала маленькие носочки. Но не о такой кукле я мечтала. Пришлось смириться. Хорошей куклы у меня так и не появилось. Может быть, поэтому я покупала самые красивые куклы своей дочке.

Жили мы в бедноте. Это я поняла позже, а тогда казалось, что все так живут. Весной бабушка перекапывала поля, на которых росла картошка, и потом из серой вонючей массы жарила оладьи. Я не могла их есть, хотя и была голодна. Очень хотелось сладкого, но вместо сахара бабушка делала повидло из свеклы и подавала к чаю. Любимым кушаньем был колоб или жмых из льняного семени.

Бабушка умела гадать. К ней приходили даже цыгане, приносили или сухарь, или сушеный картофель. Бабушка все это складывала в плетеную корзину, которая висела высоко на стене над ее кроватью. Она доставала свои запасы, когда совсем нечего было есть.

Помню, как к нам в гости пришел мамин брат. После госпиталя ему дали отпуск на несколько дней. Он принес с собой немного квашеной капусты. Когда мама вышла из комнаты, я набросилась на капусту и стала хватать ее руками и есть. Дядя Миша ничего не сказал, а маме было очень стыдно за меня, и она заставила меня извиниться за свое поведение.

Я была очень худой, и мама, боясь за мое здоровье, стала хлопотать, чтобы мне дали путевку в

санаторий, где лечили детей (я думаю дистрофиков). В санатории мне было грустно и одиноко. От еды дурно пахло, и в ней я замечала каких-то черных жучков. Я не могла это есть. Воспитательница пугала меня боженькой, которая унесет меня на небо, если я буду плакать и не буду ничего есть. Я забиралась под кровать, пряталась от боженьки, и сидела там, укрывшись одеялом.

Мой внешний вид беспокоил воспитателей и врача, и в один из дней мне принесли маленькую куколку, у которой крутились ручки и ножки, и целый сундучок приданого: можно было переодевать куколку. Я ожила, и играла с ней, когда внезапно приехала мама. Взглянув на меня, она не раздумывая, забрала меня домой. С куколкой пришлось расстаться. Позже я все время вспоминала эту игрушку.

С тех пор мама каждое утро заставляла пить меня парное козье молоко и давала чайную ложку ненавистного мне рыбьего жира. В 6 лет я весила 11кг.

Хлеб давали по карточкам. Каждое утро бабушка чуть свет уходила занимать очередь за хлебом. Магазин открывался в 7 часов, и к завтраку она возвращалась с караваем хлеба. Он был очень ароматный и вкусный.

Однажды на бабушку напал какой-то голодный мужчина, но бабушка не отдала ему хлеб. Она кричала и всеми силами прижимала к себе хлеб, чтобы его не мог отобрать бандит. Не ожидая такого сопротивления, мужчина скрылся, как только увидел бегущих на выручку людей. Бабушка в этот день была героем.

В начале войны мама получила «похоронку» на папу. Было указано место гибели, река Березина и где захоронен папа.

Мама плакала, а бабушка, «раскинув» карты, твердо сказала: «Он жив!».

Но маме назначили пособие на нас, и постепенно она свыклась с мыслью, что папа погиб. Бабушка же время от времени гадала и всегда говорила, что папа жив.

Папа воевал в составе дивизии генерала Галицкого, которая попала в окружение в первые дни войны. Папа был контужен и попал в плен к немцам.

Его освободили в 1944 году и сразу отправили на передовую. Он дошел до Берлина и остался жив. Позже вспоминал, что был, словно заколдован, пули обходили его. Мама хранила книжку военного корреспондента А. Полякова «В тылу врага», где написано, как дивизия генерала выходила из окружения. Там есть эпизод о моем отце. Описание боя:

«26 июня наши передовые отряды столкнулись с фашистами. Этот день нельзя забыть. Перед моими глазами развернулась грандиозная картина встречного боя. На нас напоролась средняя колонна фашистской танковой армейской группы во главе с 19 панцирной дивизией. Генерал Галицкий действовал решительно. Он немедленно ввел в бой все силы. Наша часть полностью вступила в сражение, имея перед собой фронт шириною в 30км.

Закованные в железо и сталь фашистские бандиты ведут наступление в направлении города М. Впереди меня в 300 м батарея Попова. У нее самая

жаркая работа, она на дороге. К ней мчится 30 танков.

- Беглый! Прямой наводкой! – еле успевает командовать Попов. Орудия заглушили его команду…

На батарею Попова прорвалось около двух десятков танков. Они прочесывают огневую позицию Попова, и Попов прочесывает их. Батарейцы ворочают орудия, бьют в упор.

Прибегаю к ребятам сразу после схватки с танками. Несколько человек ранено, убит наводчик Галкин. Остальные бойцы, закопченные дымом, опаленные огнем, с запекшейся кровью на лицах, стоят среди настоящего кладбища танков. 18 черных сожженных танковых скелетов валяются между орудиями.

- Чья это работа? Кто столько сбил? – спрашиваю у Попова. Старший лейтенант не спускает глаз с дальней опушки леса, откуда должна выскочить очередная группа фашистских танков. Его смуглое лицо горит возбуждением боя.

- Счет у нас равный, - не оборачиваясь, отвечает Попов… Два дня шел этот бой.»

Однажды, когда мама мыла пол на кухне, (мыли все по очереди) зашла почтальонка и положила на стол несколько писем – треугольничков. Мама поинтересовалась, кому адресованы письма и вдруг увидела знакомый почерк… Письмо было адресовано бабушке Елене. Мама закричала: «Жив он, жив, жив!» Почтальонка, услышав крик, вернулась и узнала радостную новость.

В письме было несколько строк:

«Мама, сообщи, живы ли моя жена и дети. Меня освободили… Сейчас на передовой. Может и выживу. Очень жду ответ».

Ответ был написан в этот же день. Но папа не получил его, не получил и следующее подробное письмо, так как их часть быстро двигалась на запад, и почта не успевала за ней.

А когда он получил первую весточку, бойцы качали его и кричали «Ура!».

С тех пор мы получали письма с веселыми картинками. Папа рисовал отдельно мне и брату. Его письма мы носили в детский сад, и все радовались вместе с нами.

В мае 1945г. весь город моментально облетела весть: «Победа!». Было солнечное прохладное утро. По радио звучали марши. Но никто не сидел дома, все бежали на площадь, где народ плясал и плакал, обнимался и пел. Потом играл духовой оркестр, и, казалось, радость переполняла всех.

Отец вернулся в декабре 1945 года. От Вологды 248 км он шел пешком. Зимним утром мы сидели за завтраком. Ели картошку с хлебом, когда дверь распахнулась, и в дверях показался обросший солдат с мешком за спиной. «Не ждали?» - сказал он. Мама бросилась к нему со слезами радости. Брат с криком: «Папа приехал!», - моментально повис у него на шее, я же с равнодушным видом доедала свою картошину. Незнакомый мужчина, совсем не похожий на моего отца (с фотокарточки) не вызывал у меня никаких эмоций. Мама подошла ко мне и сказала, чтобы я поздоровалась с папой. Но папа, скинув шинель, сам схватил меня на руки и прижал к своей колючей щеке. Мне было 7 лет.

А.Седова

Поколение шестидесятых –
Это дети прошедшей войны,
За заботами и делами
Незаметно состарились мы.

Родились в предвоенные годы,
Без счастливого детства росли,
Мамы сутками на работе,
А отцы – на дорогах войны.

Непосильные тяжкие ноши
Неокрепшие плечи несли,
Только б выстоять, только бы выжить
И мы выжили, дети войны.

Пережили и горе, и беды,
Жизнь, здоровье не берегли,
Все для фронта, все для победы,
Для свободы советской страны.

А когда одержали победу
И мир снова обрел тишину,
Поднимали страну из разрухи,
Разрабатывали целину.

Мы, мечтатели, верили в чудо,
Дух романтики обрели,
И мечты наши в песнях звучали,
В лучших песнях Советской страны.

И гордимся, что вместе с отцами
Мы в тылу, как солдаты в бою,
С ними нашу победу ковали,
Защитили Отчизну свою.

май 2008

СЛОЕВ
Александр Серафимович

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

К началу войны 1941 года мне было 5 лет. Мы жили после переезда из Великого Устюга в г.Шуя Ивановской области. Я не помню да и не осознавал всего несчастья, пришедшего к людям с войною. Мне повезло. Я жил в полной семье: отец работал на заводе, на фронт его не взяли, была бронь, а мама – домохозяйка, занималась домашней работой и воспитанием детей. Кроме меня был еще старший брат. Лишь с 1943 года я помню, как протекало детство во время войны. В этот год я начал учиться в 24 начальной школе, и, как у всех детей этого возраста, у нас были свои интересы, игры, беды и радости.

Начало учебы мне нравилось, учился я хорошо. Впервые записался в библиотеку. Мои первые книжки «Гуттаперчевый мальчик» и «Козетта» В.Гюго. Хорошо помню посещение госпиталей с ранеными солдатами и выступления перед ними. Читал стихи, пел про орленка и голубей. Всем нравилось. Однажды раненый солдат задержал меня, обо всем расспросил, а потом, решив порадовать, дал мне денежную купюру. Но дома со мной провели «разъяснительную работу», и мне пришлось идти обратно со своими подарками и возвратить деньги.

В первом классе я впервые влюбился. Ее звали Алька Полетаева. Внимание проявил тем, что принес в школу отцовские использованные лезвия для бритья. Ими затачивали карандаши.

Кому-то дал по одному лезвию, а ей - два. Время проводили дома, в школе и в основном на улице. Шуя - текстильный городок. Из бракованных ниток наматывали круглые мячи и играли ими в футбол. Играли в чижика, лапту, прятки и с девчонками в садовника. Самостоятельно ходили купаться на реку, в лес за орехами. В это время весь двор был усыпан ореховой скорлупой. Очень любили собираться вечерами во дворе у дома с ребятами постарше, обязательно в ватниках и, причем, взрослых размеров. При наличии своих огородов забирались на заводское морковное поле: престижно было стащить три морковки и грызть их немытыми. Рядом был железнодорожный вокзал, где останавливались составы с разбитой немецкой техникой. С открытых платформ таскали пустые противотанковые гильзы крупнокалиберных пулеметов. Патроны набивали порохом, который выменивали на складах за бутерброды, пропиливали отверстие, вставляли фитиль, поджигали и бросали в воздух. Бабахало здорово, нам нравилось! Делали самопалы, была бы трубка. Иногда получали травмы кистей рук, глаз и других органов. Страстно увлекались голубями. У нас, маленьких пацанов, голубей не было, и мы были на побегушках у старших ребят. Два непримиримых района Маремьяновка и Панфиловка сражались отчаянно за приоритет в небе. Переманивали голубей друг у друга.

Нас как-то попытались подкармливать в школе. Обеды брали из столовой завода. Помню суп гороховый, где плавало три горошины, но вкуснятина, мамины лепешки из отрубей, сахарин, жмых, жареную сою. Короче ели все, что жуется. Осенью родители и весь дом занимались заготовками овощей на зиму. Картошка, бочками капуста и огурцы – основное питание. Хлеб, как у всех, был по карточкам. Однажды послали получить на всех буханку хлеба. Простояв в очереди несколько часов и получив буханку черного хлеба, я отправился домой и по дороге незаметно для себя стал грызть буханку. Когда принес домой хлеб, он имел ужасный вид, за что и был наказан.

Радио! Запомнились только сводки о победах и освобождении городов. У каждого мальчишки был свой кумир – маршал. У меня – Рокоссовский. Если город освобождали войска Рокоссовского, я был героем дня. А песни, посвященные войне, лирические, патриотические остались для меня самыми лучшими до сих пор. Я их пел все подряд, помню и сегодня.

Победа! Рано утром 9 мая к нам в квартиру вломился главный механик завода с криками: «Победа, победа»! Большего счастья, горя и слез я не видел за всю жизнь. Все жители дома вышли на улицу, взрослые накрывали столы, пели песни, играли гармошки, многие плакали. Мы мальчишки ликовали. Потом стали приходить эшелоны с демобилизованными победителями. Это незабываемо, это счастье, всеобщий восторг и радость!

УСОВ
Леонид Васильевич

ДЕТСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ

Своеобразие географического положения деревеньки Великий двор Шестаковского сельского совета Кичменгско-Городецкого района Вологодской области, в которой я родился 8 июня 1936 года и жил до призыва в Советскую армию 28 октября 1955 года, видимо, наложило свой отпечаток на все стороны жизни, в том числе и детство в годы войны. Расположена деревенька в пойме реки Юг в лесной, изобилующей достаточно высокими косогорами возвышенной местности, вблизи границ трех областей: Вологодской, Кировской, Костромской и всего в одном километре от пересечения важных шоссейных трактов, связывающих 3 железнодорожные станции: Котлас Архангельской области, Пинюг Кировской области и Шарью Костромской области. До ближайшей деревни в Кировской области 5 километров, а до ее райцентра Подосиновец не более 50 км. Расстояние до Великого Устюга через леса и починки напрямую около 85 км, до г. Никольска по шоссе через Кичменгский Городок около 100 км. Не больше расстояние и до населенных пунктов в пойме реки Вохма Костромской области. Никакие иноземцы, кроме отдельных разрозненных отрядов поляков войска Лжедмитрия, в свое время дошедших и окончательно разбитых в районе Кичменгского Городка, в нашей местности никогда не были. Лишь наши цыгане ежегодно навещают эти края.

Поэтому местное население не испытало на себе ни оккупации, ни страха разрушительной силы боевых операций или бомбежек и опасности их для жизни. Тем не менее, страшное эхо войны прокатилось и по жизням людей моей малой Родины, неся с собой не только огромные трудности и слезы, и горе утраты близких.

Однако в традициях ее жителей было да многое осталось многое и сейчас такого, что может быть не присуще населению многих других уголков нашей необъятной Родины. Назову лишь некоторые обычаи и моменты из жизни жителей тех мест, особенно характерные, на мой взгляд, для периода военного лихолетья 1941-1945 годов и последующего восстанов-ления разрушенного войной хозяйства.

Лёне 10 лет

Семьи в наших местах, как правило, были большие: от четырех до одиннадцати родных детей (иногда в семье были и приемные без оформления опекунства дети). А потому на фронт из многих семей были призваны и воевали сразу по несколько человек. Так у дедушки по матери Михаила Семеновича Блохина (бабушка Елена умерла 1919-1920гг) к началу войны было 5 взрослых дочерей и три сына. Все сыновья воевали на фронте. Младший Иван погиб в боях под Сталинградом, средний Василий - на Курской дуге, и лишь старший Николай с боями дошел до г. Шверин в Германии и даже не раненый вернулся в родную деревню, где и проработал в колхозе до конца своих дней. В семье моего друга и ровесника Леонида Аркадьевича Другова были призваны и воевали на фронте одновременно три брата: Николай, Анатолий, Виталий, сестра Мария, и на трудовом фронте был отец Аркадий Яковлевич. С войны возвратились многократно раненый Виталий и Аркадий Яковлевич. На плечах у бедной матери и жены Аркадия Яковлевича Пелагии Яковлевны остались еще дети войны: Роза, Дина и Леонид. В семье дедушки по отцу Ивана Васильевича были три дочери и два сына. В первые же дни войны был призван мой отец Усов Василий Иванович, а позднее, после окончания Никольского педучилища, был призван и не вернулся с войны и его неженатый брат Александр. Подобное характерно практически для каждой семьи нашей и других деревень. Терять близкого человека всегда тяжело, но терять двоих, троих, четверых и более членов семьи - для матерей особенно тяжелое горе.

Трудно было на фронтах войны. Нелегко также было и на трудовом фронте. Общий лозунг «Все для фронта, все для победы», полувоенная дисциплина и страстная жажда победы от каждого требовали самоотдачи и великого труда. Взрослые с утра до вечера без выходных дней и отпусков работали в поле, на скотоферме, в делянках на заготовке леса, зимой и весной на его сплаве по реке Юг. Вечерами готовили для сушки и отправки на фронт лук, картофель и т.п. Мы, дети, буквально с 7-8 лет были широко привлечены к оплачиваемому трудоднями полезному труду, не говоря о работе по дому и домашнему хозяйству. Все, что производилось в колхозе (зерно, картофель и дру-

гие овощи, молоко, мясо, шерсть, яйца и др.), сдавалось государству в форме налогов, а самим работникам почти ничего не оставалось. Помню, как-то сообщили в школе, что в колхозе им. «Октябрьской революции» решили выдать своим работникам по 17 грамм зерновых на трудодень. При таких доходах даже скромно прожить трудно. В нашем колхозе «Идея», состоящем из двух деревень, дела обстояли значительно лучше. Но если бы наши конечные результаты были лучше в 2, 3 или даже в 10 раз, прожить только на эти доходы все равно было бы невозможно.

Поэтому каждая семья старалась содержать домашнее хозяйство. Практически почти каждая семья (иногда две-три семьи сообща) содержали в домашнем хозяйстве корову (реже коз), овец, нередко поросенка, обязательно кур, а также огород 25 соток, где выращивали картофель, разные овощи и непременно ячмень. Но и домашнее хозяйство облагалось существенными налогами. Держишь корову – обязан сдать государству значительную долю полученного от коровы молока и мяса, держишь овец - шерсти, кур – яиц и т.д. И все - таки материально именно домашнее хозяйство в основном обеспечивало выживание колхозников в годы войны и послевоенные годы.

Однако содержать такое домашнее хозяйство при условии занятости трудоспособных взрослых от зари до зари на колхозных работах было совсем не просто. Поэтому некоторые работы по дому трудоспособные взрослые вынуждены были выполнять только ранним утром, до начала работы в колхозе, которая начиналась нередко в 7-8 часов, либо поздним вечером или ночью, после рабочего дня, который заканчивался с заходом солнца (выжать серпом ячмень на своем участке, заготовить сено для скота, убрать картофель и другой урожай с огорода, отвести зерно на мельницу, подоить корову и т.д.). Во многом работы по дому ложились на плечи стариков и детей. Прополоть огород, окучить картофель, полить грядки, пасти скот и к вечеру пригнать его домой, сходить в лес за грибами и ягодами, которых, к счастью, было много в наших лесах, и мы их заготавляли на зиму кадками, и множество разных других работ. В нашей семье не было ни бабушки, ни дедушки, поэтому домашние работы лежали на мне и младшем брате Владимире. Наша мама строго требовала выполнение всех работ. Однако основная работа летом и в свободные от учебы дни зимой выполнялась по наряду колхозного бригадира нами.

Многие работы в нашем колхозе выполнялись вручную (кошение и сушка травы и даже помол муки и т.п.). В нашей местности не было машинотракторных станций, тракторов и автомашин, не было электричества, радио, телевидения. Но была 7-летняя школа из 4-х немаленьких зданий, два из которых находились по соседству с незадолго до войны закрытой и потому прекрасно сохранившейся церковью в три этажа. В перерывах между уроками мы, дети, забирались в церковь и любовались красотой ее убранства и росписей. Железной дороги мы не видели до отъезда на вступительные экзамены в техникумы и вузы. Часто не было и керосина, тогда приходилось сидеть длинными зимними вечерами и готовить задания к урокам при лучине. Кино привозили редко.

Основную механизированную силу в деревне составляли лошади. Иногда приходилось и их отправлять на фронт. В нашем колхозе их было много, до 50

лошадей (много лошадей в годы войны содержалось в нашем дворе, и моя мать работала конюхом). Но в некоторых колхозах не было или почти не было и лошадей, тогда пахали или перевозили грузы на быках и коровах, а в крайних случаях женщины впрягались и сами за ремни или веревки таскали плуг и бороны на весеннем севе, а также телеги и сани при перевозке грузов.

В младшем возрасте мы возили навоз на поля. Сами-то не могли ни лошадь запрячь, ни навоз с телеги в поле сбросить. Делали это взрослые. Мы же лишь везли его от скотного двора до поля. Где-то в 4-5-м классе мы уже хорошо управляли лошадьми и возили на сенокосе сено к стогам, боронили (в жаркое время боронили только по ночам и только дети во главе с одним взрослым) и выполняли ряд других работ на лошадях (управляли лошадьми при жатве зерновых косилками или жнейками, подвозили снопы на гумно или при молотьбе крутили конный привод молотилки и т.д.). Между прочим, в таком возрасте выполнять работы на лошадях в жару, когда одолевают мухи и оводы, когда силы не хватает, чтобы не допускать лошадей идти по кустам или еще хуже по засеянному зерновыми культурами полю, спасаясь от жары и оводов, тоже не просто. Бывало, свалишься с лошади и без достаточного опыта самостоятельно сесть снова на нее не можешь без посторонней помощи. Или ты погоняешь лошадь, а она лягается, или же ты хочешь поймать ее, она старается тебя укусить. А взрослые на заготовке сена тебя давно ждут. К окончанию 6-го-7-го классов мы уже были хорошими наездниками. Уже могли прокатиться по дороге в поле не просто галопом верхом на лошади без седла, а и стоя на ней. Правда, подобное лихачество иногда завершалось падениями и мало приятными от этого ощущениями, но и это не останавливало нас. Наконец, в 8-10 классах пахали на лошадях и подавали сено на стог при его заготовке, а зимой возили сено на скотный двор и выполняли другую более тяжелую работу (отвести сено или зерно государству, съездить на мельницу намолоть муки и т.д.).

Местные старики – умельцы обучали нас разным ремеслам. Так, дедушка Михаил Семенович умел в домашних условиях "катать" (валять) валенки из овечьей шерсти, плести лапти из березового лыка, в которых я ходил в школу. Из ржи учили варить прекрасное деревенское пиво к праздникам на всю деревню. К окончанию школы мы могли выполнять любую работу в колхозе и знали на практике, как выполняются некоторые ремесла в домашних условиях.

Несмотря на то, что многие работы дети войны выполняли на лошадях, труд их был сопряжен со многими трудностями и опасностями для здоровья. Вставать приходилось рано в 5-6 часов утра, чтобы сходить до завтрака в поскотину, найти там лошадь, на которой тебе предстояло в этот день работать, поймать ее и привести домой. А спать, ой, как хочется. Бывало, придем в лес, найдем сухую полянку и всей детской компанией прикорнем на полчасика. Поздним вечером лошадей следовало отвести снова в поскотину. А были случаи, когда уставшие и утомленные дети засыпали и падали с лошадей во время работы. В силу недостаточной опытности, утомления и усталости нередко дети получали травмы: то лошадь лягнет или наступит на ногу, то попал под колесо телеги или под сани, то результа-

том падения с лошади, мчащейся галопом, стали сотрясение мозга или вывихи и переломы костей и т.п. Тяжелый труд взрослых на селе в годы войны все же был оценен государством. Многие труженики тыла, в том числе и моя мать Усова Агния Михайловна, были награждены государственными наградами (медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг., «Труженику трудового фронта в 30 лет победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими). Но, к сожалению, опасный для здоровья и очень нелегкий труд детей войны остался мало замеченным и, по-моему, до сих пор государством не оценен по достоинству. Лишь при некотором недостатке до максимального стажа работы при выходе на пенсию мне и ряду других сверстников работа в колхозе в годы войны и послевоенный период восстановления народного хозяйства вошла в трудовой стаж. Но и то только в летние месяцы за те годы, когда мы достигли совершеннолетия. Велика заслуга в обеспечении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и в последующем восстановлении разрушенного войной народного хозяйства страны ветеранов войны и тружеников трудового фронта. Это на их плечи легли вся ответственность и тяжесть войны. Это на их долю выпали все тяготы и лишения военного времени, горечи и слезы, потери близких. Это в первую очередь от них требовались железная воля, неимоверные усилия и жертвы для достижения победы в войне и восстановления страны. Низкий им поклон и огромная благодарность всего нашего народа за это. Однако хочется верить и надеяться, что труд детей войны был тоже не напрасным, а способствовал нашей общей победе в войне и восстановлению разрушенного народного хозяйства. Пора бы воздать должное и данному поколению, чтобы на государственном уровне хотя бы прививать у молодежи уважение к труду.

Усов Л.В. во время службы в армии 1957 год

Если существенным материальным фактором выживания жителей нашей и других окрестных деревень в трудные военные и послевоенные годы, годы тотального дефицита промышленных и продовольственных товаров, отсутствия денежных средств, паспортов и трудовых книжек у колхозников, без которых отсутствовала сама возможность смены места работы и места жи-тельства, а в связи с этим в иные моменты времени полуголодного и голодного существования, на мой взгляд, явилось содержание домашнего хозяйства, осуществляемое во многом трудом детей войны, то другим не менее важным морально-психологическим фактором, ляется, как мне представляется, своеобразный менталитет местных жителей.

Для местного населения всегда был характерен общинный образ жизни, при котором сельская община стремилась оказывать бесплатную помощь более слабым семьям как в выполнении на их уча-

стках сельхозработ, так и в более справедливом распределении дохода общины с учетом едоков. В домах местных жителей никогда не было замков. Достаточно было у входной двери приставить по диагонали двери палку или веник или же вставить их в кольцо двери и всем было понятно, что дома никого нет, и никто в это дом без хозяев не войдет. Эту традицию знали и нищие и цыгане, которые также свято ее выполняли. Воровство имущества отсутствовало напрочь. Разве что полуголодные ребятишки могли забраться на чужую черемуху поесть ягод или сорвать пучок луковой травы в огороде, но и это считалось неприличным, и взрослые ругали за это нас. Можно было смело оставить велосипед или другое имущество на улице около своего или чужого дома, и никто никогда его не возьмет. Славилось местное население и большим гостеприимством. Приведу в доказательство пару примеров. Если в дом заходили жители окрестных деревень, представители села или райцентра, хозяева обязательно предложат пообедать. В религиозные праздники в соответствующих деревнях проходили народные гулянья (гулянки), на которые собиралась молодежь со всех окрестных деревень, а с ближайших деревень и старики приходили посмотреть на молодежь. На гулянках организовывали два круга. Один круг представлял пляшущих под гармонь девушек и смотрящих на это зрелище стариков и детей, во втором круге шли соревнования в борьбе на ремешках. О победителе говорили, что он сегодня унес круг. Зрителей здесь было не меньше, чем в первом круге. Сами эти зрелища проходили мирно, но в целом на гулянках нередко вспыхивали кулачные без поножовщины, но иногда с использование кольев от огорода драки, то из-за девушек, то из-за иных обид. В деревне, где проходили гулянки, часто варили пиво и готовили праздничные столы. Часа через два гулянья местные парни и девушки приглашали к себе домой и разводили гостей из других деревень. Если тебя никто не пригласил, то можешь заходить в любой дом и садиться за стол. Никто тебя не оговорит. После некоторого угощения и пребывания за столом молодежь возвращалась на место гулянки и гулянья уже в новом качестве продолжались до темноты. После чего парни провожали своих девушек до их дома, задерживаясь часто с ними до утра, но обязательно выходили утром на работы в колхозе.

В красном углу в каждом доме иногда в несколько рядов стояли иконы. Каждый человек, вошедший в избу, обязательно перекрестится, поклонится иконам и пожелает хозяевам добра и здоровья. Мужчины при этом или при встрече на улице всегда снимали головной убор. Каждая семья была славна своими делами и делами предков. Усовых в деревне было несколько семей. Со слов моих родителей и родственников, род Усовых происходит от дома Усова, что находится в Великом Устюге на набережной, охраняется как памятник государством, и в нем находится краеведческий музей. В летописи зафиксированы многие факты из жизни рода Усовых. Например, то, что по указам царей они не только участвовали в снабжении продовольствием, но и их приказчики (например, Ф.Попов) принимали непосредственное участие в ряде экспедиций казака Семена Дежнева в целях освоения богатств Си-

бири и Аляски. А Григорий Усов в свое время был городским головой Великого Устюга. Возможно, эта связь времен повлияла и на имидж нашей семьи. У нас всегда была приличная домашняя библиотека, две моих тети и дядя получили образование и работали учителями. Да и сам я перед призывом в армию работал учителем сначала Шестаковской семилетней, а потом Н-Енангской средней школы. А стремление учиться и получить высшее образование было в крови. Часть Усовых стали военными и дослужились до звания полковника. Ряд моих современников из нашей деревни получили соответствующее высшее или специальное среднее образование. Назову только наиболее известных: Лыкова Лидия Павловна, подруга моей тети Валентины Ивановны, окончила Вологодский пединститут, в свое время была членом Вологодского ОК КПСС и Министром социального обеспечения РСФСР в 60-е годы прошлого века, Меньшенин Виталий Николаевич в 50-е, 60-е годы прошлого века ходил на судах дальнего плавания, приписанных к г.Ленинграду, в должности капитана, по-моему, первого ранга. Мне также довелось окончить ЛГУ им. А.А.Жданова и аспирантуру в политехническом институте им. М.И.Калинина в Ленинграде.

Замечу, что обучение в 8-10 классах было платным и не каждая семья могла себе это позволить, в том числе и наша семья. Мы как раз строили новый дом на средства от продажи коровы. Но страстное мое желание окончить десятилетку было сильнее. Средства на оплату за обучение я зарабатывал сам по весне на разгрузке и погрузке пароходов, а зимой - на погрузке леса по воскресеньям в делянках, которые находились в 15 км от школы. Иногда удавалось платно заготовлять дрова для школы или сельпо. Благодаря этим заработкам удавалось проплатить обучение в школе и даже иногда покупать хлеб в магазинах, за которым надо было занять очередь в полночь, иначе - не купить. В буфете средней школы в ограниченном количестве хлеб продавали только детям учителей. Способность заработать на хлеб и учебу или сделать нечто полезное, а также желание оказать помощь ближнему, я тоже отнес бы к врожденному менталитету.

Присмотрись, дорогой читатель, к своим истокам и ты будешь много духовно богаче. В заключение хотелось бы привести опубликованное в Кичм.-Городецкой районной газете "Заря Севера" от 28 июля 1964 года мое стихотворение, которое так названо «Россия – Родина моя».

Дорога мне русская природа,
Дороги мне русские поля,
Дороги мне песни русского народа,
Дорога Россия-Родина моя.

Полюбил я русские морозы,
Полюбил я русскую жару,
Как ребенок, выбегаю в грозы
И дышу с волненьем на ветру.

Я люблю смотреть на косогоры,
На широкие раздольные луга,
К небесам вздымающие горы,
Быстрых рек крутые берега.

На заре люблю гулять по саду,
На восходе - слушать крики петуха,
Улыбаясь утреннему стаду
И веселой песне пастуха.

Бесконечно счастлив я, бродя по лесу,
Утопая в зелени цветов,
Аромат вдыхая, в поднебесье
Наблюдая жаворонков взлет.

Иногда часами слушаю, внимая,
Как шумит сосновый старый бор,
Как ручьи смеются, убегая,
В дальние края с любимых гор.

В этот час, в природу погруженный,
Мыслью уношусь в далекие края;
Я стою тобой завороженный,
Мать Россия – Родина моя.

В качестве эпилога:

Стремление к созидательному труду не раз приводило меня к пионерному участию в делах, о которых на склоне лет приятно вспомнить и рассказывать детям и внукам.

Например, принимал участие в комсомольской стройке по созданию первого в мире гражданского советского атомохода ледокола «Ленин»,

являюсь выпускником первого в СССР выпуска специалистов с полным сроком обучения в Ленгосуниверситете по специальности «математические и инструментальные методы экономики»,

являюсь одним из инициаторов первого набора экономистов в ВПИ и,

будучи первым заведующим кафедрой экономики строительства в Вологодском государственном техническом университете, первым в данном вузе заключил ряд принципиально новых инициативных договоров и соглашений:

а) соглашение о шефской помощи школе №12, первой гимназии по организации введения экономического направления;

б) договор-соглашение с предприятием «Агростройконструкция», согласно которому многие курсовые и дипломные работы студентов по специальности «экономика и управление в строительстве» выполняются с участием специалистов данного предприятия и на его материалах, там же проходят и защиты курсовых и дипломных работ;

в) при активном участии нашей кафедры был заключен первый в университете длительный договор сроком на 8 лет (1992-2000 гг.) с финансовым управлением Администрации Вологодской области на подготовку соответствующих специалистов на коммерческой основе по заказу финансового управления (позднее подобные договора на подготовку отдельных специалистов были заключены с налоговой службой области, отдельными предприятиями и некоторыми коммерческими банками).

Являюсь одним из инициаторов и непосредственным участником создания первого в области и городе Вологде НОУ «Вологодский институт бизнеса» и т.п.

КОНЕЦ ВОЙНЕ

А. Седова

Я помню это солнечное утро,
Счастливейшее утро на Земле,
Когда узнали все, что на планете
Покончено с войной – конец войне!

Мы шли к Победе через муки ада,
Потери колоссальные несли,
Но умирали мы не за награды –
За мирный труд всех жителей Земли.

Склоняем низко головы в поклоне,
Всем людям, что погибли на войне,
Кто не вернулся, не пришел, не выжил
И тем обрел бессмертие себе.

1945
2010

ДЕТИ ВОЙНЫ

(родившиеся с 3 сентября 1927 года
по 2 сентября 1945 года)

№ п/п	Ф.И.О.	Дата рождения
	1927 год	
1.	Ковылев Н.И.	24.11.27
	1929 год	
2.	Солдатова З.Д.	24.11.29
3.	Тимаков В.В.	28.11.29
	1930 год	
4.	Едалов Л.А.	24.06.30
5.	Новицкая В.И.	10.02.30
	1931 год	
6.	Яркин А.М.	04.12.31
7.	Ухова Г.М.	07.04.31
8.	Изотов В.В.	10.12.31
	1932 год	
9.	Колесников В.П.	28.04.32
10.	Кушнерев А.В.	26.09.32
	1933 год	
11.	Рогулин Б.И.	22.01.33
12.	Костромина В.В.	04.08.33
	1934 год	
13.	Востренкова З.А.	03.02.34
14.	Казакова Ф.И.	15.10.34
	1935 год	
15.	Осокина Т.Д.	23.08.35
16.	Колпакова Р.А.	09.08.35
	1936 год	
17.	Дьячков Е.Я.	25.07.36
18.	Микконен Р.П.	14.02.36
19.	Сабурова Т.А.	29.09.36
20.	Слоев А.С.	09.12.36
21.	Усов Л.В.	08.06.36
	1937 год	
22.	Бабушкин Г.М.	28.01.37

№ п/п	Ф.И.О.	Дата рождения
	1938 год	
23.	Дзюбенко Т.И.	25.12.38
24.	Герасимовская Ф.С.	09.03.38
25.	Седова А.А.	07.11.38
26.	Тронина Л.А.	25.11.38
27.	Тюляндина Р.С.	05.10.38
	1939 год	
28.	Торицын М.П.	24.04.39
29.	Смирнова А.В.	23.04.39
30.	Масленников Г.А.	06.02.39
31.	Кузин В.Н.	14.07.39
32.	Корнева Т.Н.	19.11.39
33.	Дунаева М.И.	24.12.39
	1940 год	
34.	Воронцова Л.И.	16.06.40
35.	Золотова С.А.	15.02.40
36.	Парахонский Э.В.	13.03.40
	1941 год	
37.	Беляков Ю.К.	22.07.41
38.	Васильева Л.А.	26.05.41
39.	Гурьева М.В.	17.05.41
40.	Киселев М.Ф.	20.10.41
41.	Кулакова Г.И.	27.05.41
42.	Лошакова М.А.	21.03.41
43.	Рыжкова О.В.	22.01.41
	1942 год	
44.	Ратникова Л.Е.	17.03.42
	1943 год	
45.	Сенченко Л.Н.	11.09.43
	1944 год	
46.	Вересова Л.Н.	23.12.44
47.	Воробьев С.С.	07.05.44
48.	Кузьмина Л.А.	30.12.44
	1945 год	
49.	Боголепов В.С.	02.01.45
50.	Большакова А.А.	10.03.45
51.	Плеханов Н.А.	18.01.45

9 МАЯ!
С ДНЕМ ПОБЕДЫ
День Победы, как он был от нас далек
Как в костре потухшем таял уголек
Были версты, обгорелые, в пыли
Этот день мы приближали как могли
Этот день Победы
Порохом пропах
Это праздник
С сединою на висках
Это радость
Со слезами на глазах
День Победы, День Победы, День Победы!

Никто не забыт
Ничто не забыто!

Воспоминания о военном детстве:

		стр.
Бабушкин Г.М.	.....	3
Воробьева Е.С.	.....	7
Востренкова З.А.	.....	11
Дунаева М.И.	.....	15
Дьячков Е.Я.	.....	17
Киселев М.Ф.	.....	35
Костромина В.В.	.....	39
Кузин В.Н.	.....	45
Кушнерёв А.В.	.....	49
Лошакова М.А.	.....	57
Масленников Г.А.	.....	59
Микконен Р.П.	.....	63
Новицкая В.И.	.....	65
Осокина Т.Д.	.....	67
Сабурова Т.А.	.....	69
Седова А.А.	.....	73
Слоев А.С.	.....	81
Усов Л.В.	.....	83

РЕДАКТОР СЕДОВА А.А.
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР МАТАСОВА Т.В.
ОФОРМЛЕНО В УПРАВЛЕНИИ
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И АРХИВА
ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЛАСТИ
АПРЕЛЬ 2010 ГОДА